

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (43)

2020

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Леванович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.12.2020.

Выход в свет 15.03.2021.

Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая.

Усл. п. л. 7,3.

Тираж 26 экз. Заказ 3-13-21.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Хачатуров Рудольф Леванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теории и истории государства и права» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНОГО ЛИДЕРСТВА С.В. Кондратюк.....	5
КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (СУДА) С.Н. Меркулов, Н.А. Панько.....	10
ОСОБЕННОСТИ УСМОТРЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ Ю.В. Оносов.....	18
ПРАВОВЫЕ РИСКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ Н.А. Развейкина, Е.О. Паулова.....	24
ФАКТОРЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ Л.В. Стародубова, Л.А. Инганнаморте.....	29
К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИЯХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА САМОИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В РФ С.Б. Сыропятова, Л.Н. Кабанова, П.А. Кабанов.....	35
ИНСТИТУТ ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И.Н. Чеботарева, О.С. Пашутина, И.В. Ревина.....	42
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОШЕННИЧЕСТВУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ Б.Э. Шавалеев	48
ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ С.В. Юношев, В.В. Убасев.....	54
НАШИ АВТОРЫ.....	60

CONTENT

PSYCHOLOGICAL EXPERTISE IN COURT DURING INVESTIGATION OF CRIMINAL LEADERSHIP S.V. Kondratyuk.....	5
CRITICAL THINKING IN ACTIVITIES OF AN INVESTIGATOR (COURT) S.N. Merkulov, N.A. Panko.....	10
FEATURES OF DISCRETION IN LEGAL PRACTICE OF THE STATES OF THE ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY Yu.V. Onosov.....	18
LEGAL RISKS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE PANDEMIC PERIOD N.A. Razveykina, E.O. Paulova.....	24
THE FACTORS OF ACCESS TO JUSTICE: DEFINITION AND CLASSIFICATION L.V. Starodubova, L.A. Ingannamorte.....	29
ON THE DISTINCTIONS OF CRIMINAL-LEGAL AND ADMINISTRATIVE-LEGAL ENFORCEMENT ACTIONS FOR VIOLATION OF THE SELF-ISOLATION REGIME IN THE CONDITIONS OF DANGER OF THE SPREAD OF CORONAVIRAL INFECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION S.B. Syropyatova, L.N. Kabanova, P.A. Kabanov.....	35
WAIVER OF SUBJECTIVE RIGHT INSTITUTE: LEGAL NATURE AND ACCEPTANCE CRITERIA IN CRIMINAL PROCEEDINGS I.N. Chebotareva, O.S. Pashutina, I.V. Revina.....	42
CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO FRAUDULENT USE OF ELECTRONIC PAYMENT FACILITIES IN RUSSIA AND ABROAD B.E. Shavaleev.....	48
LEGAL STATUS OF THE HEAD OF INQUIRY DEPARTMENT: SUBSTANCE, STRUCTURE, CHARACTERISTICS S.V. Yunoshev, V.V. Ubasev.....	54
OUR AUTHORS	60

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНОГО ЛИДЕРСТВА

© 2020

С.В. Кондратьев, аспирант кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии; лидер преступного формирования; судебная психологическая экспертиза; атрибуты преступного лидера.

Аннотация: Рассмотрены возможности судебной психологической экспертизы в доказывании обстоятельств виновности лица, занявшего высшее положение в преступной иерархии. Преступная иерархия понимается как социальное формирование определенной преступной направленности, управление которым осуществляется на принципах авторитаризма. Руководитель преступного формирования приобретает свое лидирующее положение в результате естественного отбора по психологическим параметрам личности. В структуру личности лидера преступного формирования включены специфические атрибуты внешности и поведения. Обобщены признаки личности лидера преступных формирований различной направленности. Определено, что общей чертой личности лидеров преступных формирований является властолюбие. Показано, что для достижения собственных жизненных установок лидер подтверждает свое положение атрибутами внешности и поведения. Приобретение лидерского статуса связано с проведением ритуала посвящения. Именно отношение лица к ритуалу присвоения высшего статуса в преступной иерархии, а также к атрибутам преступного лидера принимается как обстоятельство, подлежащее установлению в процессе расследования преступлений данного вида. Определены параметры психологической модели преступного лидера. Обоснована применимость судебной психологической экспертизы эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей для установления личностного отношения подозреваемого к различного рода атрибутам высшего положения в преступной иерархии. Конкретизированы общий и частные объекты судебной психологической экспертизы по делам о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии. Ими могут служить личность подозреваемого, а также зафиксированные техническими средствами фрагменты его поведения в преступной среде и в условиях эксперимента. Показана целесообразность экспертного исследования группы лиц, входящих в единое преступное формирование. Предложена формулировка вопросов, выносимых на разрешение судебной психологической экспертизы преступного лидерства. Содержание вопросов, поставленных перед экспертом, сводится к установлению субъективного значения для подэкспертного различных атрибутов преступного лидерства.

ВВЕДЕНИЕ

Криминологи включают в структуру личности преступника признаки, относящиеся к его социальному статусу. Если именно статус преступника обладает общественной опасностью, то это становится основанием для криминализации приобретения такого статуса [1; 2].

Высокая степень общественной опасности занятия высшего положения в преступной иерархии обусловила конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ [3]. В ходе расследования указанного деяния доказыванию подлежат обстоятельства преступления, связанные с отношением лица к атрибутам лидерского положения в преступном сообществе [4; 5]. Представляется, что данные обстоятельства относятся к психической сфере преступника и для установления требуют применения специальных психологических знаний [6; 7].

Однако в научной литературе не рассмотрены вопросы проведения соответствующей экспертизы для установления личностных характеристик занятия лицом высшего положения в преступной иерархии [8]. Между тем именно судебная психологическая экспертиза определяет отношение лица к собственному социальному статусу.

Цель статьи – обоснование применимости судебной психологической экспертизы для установления обстоятельств виновности лица, подозреваемого в занятии высшего положения в преступной иерархии.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследований использованы общенаучные методы, структурно-функциональный метод и метод системного анализа, а также частнонаучные методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Природа и теоретическое обоснование нравственно-психологической структуры преступного лидерства

Уголовный кодекс РФ предусматривает уголовную ответственность за факт принадлежности к высшим ступеням преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). Преступные лидеры атрибутируют свой статус определенными ритуальными действиями, поэтому в ходе следствия установлению подлежат обстоятельства, связанные с атрибутами личности преступного лидера.

Личность преступника трактуют как психическую структуру, включающую характер и волю, систему ценностей и сферу эмоций, психотип, психические процессы [9]. Анализ мотивов и мотивации поведения лидера является содержательной основой исследования психической структуры личности. Такой методологический подход базируется на положении о потребностно-мотивационном базисе личности рассматриваемой категории [10]. Признаем, что способ существования

(экзистенции) лица в социальном мире формируют индивидуальные нравственные (психические) качества личности.

Нравственно-психологическая структура личности преступного лидера предполагает персонификацию таких понятий, как влечение, страсть, стиль жизни, жизненные установки и т. п. [11]. Сочетание глубинно-психологической и духовно-нравственной концепций позволяет обобщить биосоциальную структуру рассматриваемой личности. Ученые включают в структуру личности пласт «бессознательного психического». К вершинным уровням человеческой природы классические авторы относят морально-духовные характеристики [12]. Исследование этих аспектов личности преступного лидера предусматривает анализ экзистенциальных, нравственно-антропологических, духовных подструктур личности и психики. Автор обращает внимание на необходимость учета физических и психических отклонений личности. Для нас важно отметить, что все элементы личности в той или иной степени формируют жизненные интересы и потребности лица, отражаются на психике, на приспособляемости к социальным условиям.

Считается общепризнанным, что личность формируется вследствие разносторонних и разнохарактерных воздействий на организм человека со стороны социальной и физической среды [13]. В результате у лица складывается система ценностей, а также набор привычных и желаемых стереотипов поведения. Так, социально-психологические, физические и биологические факторы, действующие совместно, определяют форму и содержание конкретных действий лица. Автор полагает, что психологическая структура личности формируется видом деятельности лица и встроена в систему его социальных отношений. Проявление свойств личности можно наблюдать в индивидуальном поведении. Для раскрытия темы нашего исследования можем назвать наиболее значимые из них: 1) социальный и межличностный статус лица; 2) потребности и мотивы, ценностные ориентиры; 3) черты характера, акцентированные свойства личности; 4) привычки, умения, навыки, знания и др. [14]. Внутренний мир лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, отображают его нравственно-психологические характеристики. Поэтому психологическое исследование личности преступного лидера направлено на установление индивидуальных социально-психологических признаков, мотивов поведения, волевых качеств, системы ценностей, привычек, предпочтений и т. п. [15]. Основные психологические характеристики лица складываются в нравственный облик личности, они объясняют его поведение и относительно устойчивое отношение к социальному окружению. К числу мотивов преступного лидера можем отнести стремление к высокой социальной оценке.

Взаимосвязь направления криминальной деятельности преступного формирования с личностными особенностями его лидера

В научной литературе выделены типичные черты характера лидера с учетом криминальной направленности подчиненного лидеру формирования [16].

Так, для лидера преступного формирования экономической направленности типичными чертами характера называют расчетливость, решительность, комму-

никабельность. Круг его интересов широк и разнообразен. У большинства таких лидеров отмечают высокий уровень интеллекта. К числу его основных качеств относят владение приемами психологического воздействия на окружающих. По мнению авторов, наряду с корыстной ориентацией мотивационная сфера многих руководителей организованных преступных структур в сфере экономики связана со стремлением самовыразиться в крупномасштабной деятельности. Чтобы занять лидирующие позиции в организованном преступном мире, необходим не только жизненный опыт, соответствующие знания и волевые качества, но и криминальный стаж, включая нахождение в среде осужденных в местах лишения свободы. Поэтому часть лидеров, ради достижения признания в преступном мире, применяют различные процедуры ритуального посвящения, в том числе и отбытие уголовного наказания.

Иными типологическими особенностями характеризуется лидер преступного формирования политической окраски. В общем их деятельность направлена против безопасности общества и государства. Как правило, лидерам подобного рода присуща жестокость, беспощадность и безжалостность. Как политики, они должны постоянно демонстрировать собственное оппозиционное отношение к обществу. Отметим, что демонстративность занимает место в поведенческих стереотипах. Лидер такого типа характеризуется авторитарностью личности, обладает эмоциональной холодностью, он узурпировал абсолютную власть в преступном формировании. Властолюбив и агрессивен, жестко подавляет непокорных, для этого использует различного рода массовые мероприятия, которыми устанавливает и подтверждает статус преступного лидера.

Лидер преступного формирования общеуголовного типа владеет навыками преступных профессий. Как правило, он бескомпромиссен, точен и негибок, следует поведенческим стереотипам лидера. Таких лиц называют хранителями криминальной субкультуры [17; 18]. Лица, занимающие ведущее положение в организованных преступных формированиях данного типа, характеризуются высокой степенью честолюбия, нетерпимости к критике, агрессивностью и жестокостью. Они постоянно подтверждают свое лидирующее положение принятыми в общеуголовной среде атрибутами внешности и поведения [19].

Приведенный обзор характерологических свойств личности преступных лидеров показывает, что естественный отбор среди них происходит по психологическим параметрам. Авторитет криминального лидера основан на его волевых качествах, профессионализме, справедливости, уголовных традициях. Лидерские способности целенаправленно формируют у подчиненных чувство уверенности в безнаказанности преступной деятельности. Из этого вытекает демонстративность личности преступного лидера. Это качество состоит в том, что лицо имеет намерение заявить о себе так, чтобы о нем узнали многие. Формирование лидерского ореола осуществляется целенаправленными действиями самого лидера и его окружения.

Исследователи отмечают деформирование потребностей личности преступного лидера. Установлено, что доминирующими мотивами лидера преступных формирований стали самовыражение в деятельности данного рода, стремление к власти [20].

Лидер преступного формирования обладает четкими ценностными ориентациями, взглядами, установками. Действует механизм естественного отбора среди лидеров преступных формирований. Лицо, стремящееся достичь высшего положения в преступной иерархии, воспринимает желаемый статус как средство обеспечения собственного образа жизни. Его личность характеризуется авторитарностью, эмоциональной холодностью, выраженными организаторскими способностями, предприимчивостью, честолюбием. Отметим роль лидера в воспроизводстве преступных традиций. Этому служит ритуальность приобретения высшего положения в преступной иерархии. Так, лидирующее участие в ритуале приобретения лицом высшего статуса в преступной иерархии входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Возможности судебной психологической экспертизы для установления признаков личности преступного лидера

Объектом судебной психологической экспертизы является личность как носитель психики, в структуру которой включена информация о расследуемом событии [21]. Личность рассматривают во взаимосвязях с социальным окружением. Частными объектами указанной экспертизы называют разнообразные носители информации о личности и ее деятельности, исследуя которые эксперт может получить сведения об особенностях информированности личности о расследуемом событии. К частным объектам относят материалы дела; запись с камер скрытого наблюдения, видеозапись поведения подэкспертного в ходе исследовательского этапа экспертизы; записи физиологических реакций подэкспертного (полиграммы), записи нейрофизиологических реакций подэкспертного (электроэнцефалограммы) и т. п. [22]. В компетенцию судебно-психологической экспертизы входят вопросы психологического содержания (параметры психической деятельности и психических состояний подэкспертного), имеющие значение для доказывания, если их решение требует использования специальных знаний в области судебной психологии. Между тем авторы предостерегают от постановки правовых вопросов на разрешение судебной психологической экспертизы. Методики такой экспертизы отвечают критериям научности и допустимости [23; 24]. Можно утверждать, что такая экспертиза направлена на установление факта закрепления юридически значимой информации в сознании подэкспертного лица.

Отметим, что возможности судебной психологической экспертизы расширяются, если ее объектом становится группа лиц, объединенных общей преступной деятельностью. Для таких подэкспертных устанавливают в ходе исследования конкретные индивидуально-психические свойства, эмоционально-волевые особенности, что позволяет определить характер межличностных отношений в преступном формировании. Экспертизой выявляют в нем лиц, обладающих лидерскими качествами. Средствами экспертизы устанавливают степень сплоченности такого формирования.

Поставляя возможности судебной психологической экспертизы с указанными выше психологическими характеристиками преступного лидера, можно конкретизировать задачи судебной психологической экспертизы. В данном случае ее актуальным направлением

становится экспертиза эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей подэкспертного лица. Вопросы на экспертизу связываем с обстоятельствами ритуального присвоения лицу высшего статуса в преступной иерархии. Тогда вопрос эксперту может быть сформулирован следующим образом: «Имеет ли субъективное значение для подэкспертного ритуал признания его лидером преступного формирования? Если да, то в чем оно выражено и в какой степени?». Вопросы аналогичного содержания могут быть поставлены и в отношении атрибутов преступного лидерства, как материальных, так и поведенческих.

ВЫВОДЫ

1. Фактом, свидетельствующим о принадлежности лица к высшей ступени преступной иерархии, называем ритуал признания его лидером преступного формирования, а также использование им соответствующих атрибутов внешности и применение поведенческих стереотипов, характерных для преступного лидера.

В связи с конкретизированной моделью личности лидера преступного формирования, доказыванию подлежит субъективное отношение к событию причисления его к высшей иерархии преступного сообщества. Индикатором указанного обстоятельства служит отношение лица, подозреваемого в занятии высшего положения в преступной иерархии, к различным атрибутам данной процедуры (ритуалу, символам, поведенческим стереотипам). Указанное отношение лица приобретает психологическое содержание, и поэтому для возможной объективизации требует применения специальных знаний из области судебной психологии.

2. Для установления фактов, связанных с признаками занятия высшего положения в преступной иерархии, предложено использовать методы судебной психологической экспертизы эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей личности обвиняемого.

3. Задачей судебной психологической экспертизы лица, обвиняемого в занятии высшего положения в преступной иерархии, предложено считать личностное отношение к различного рода атрибутам высшего положения в преступном формировании.

4. Объектом исследования в задаче судебной психологической экспертизы исследования преступного лидерства становится личность обвиняемого, содержащая комплекс признаков, отображающих отношение к процедуре приобретения и атрибутам высшего положения в преступной иерархии.

5. Предложена формулировка вопроса, выносимого на разрешение судебной психологической экспертизы преступного лидерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкина О.В., Границкий Р.Б. Проблемные вопросы практического применения ст. 210.1 УК РФ // Аграрное и земельное право. 2020. № 7. С. 130–133.
2. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132–137.

3. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 3. С. 465–476.
4. Назаров С.В. Оперативно-розыскные и уголовно-исполнительные аспекты борьбы с деятельностью криминальных «авторитетов» в местах лишения свободы // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2018. № 3. С. 87–95.
5. Быков А.В., Зенин С.С., Кудряшов О.В. Личность осужденного – пенитенциарного правонарушителя: общая характеристика, основы детерминации профилактического воздействия // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 2. С. 64–73.
6. Терещенко В.В. Формы использования специальных психологических познаний в уголовном процессе при расследовании групповых преступлений с участием подростков // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2016. № 4. С. 84–87.
7. Хорошева А.Е. Использование специальных знаний в ходе доказывания по уголовным делам о насильственном экстремизме // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2018. № 2-2. С. 124–132.
8. Агапов П.В. О роли судебной экспертизы в процессе доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014. № 1. С. 50–53.
9. Бутырская А.В., Загрядская Е.А. Лидер криминального формирования – системообразующий элемент организованной преступности и угроза национальной и международной безопасности // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 5. С. 171–176.
10. Антонян Ю.М. Мотивация преступного поведения. М.: Юрлитинформ, 2018. 376 с.
11. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2020. № 1. С. 34–44.
12. Фрейд З. «Я» и «Оно». Избранные работы. М.: Юрайт, 2019. 165 с.
13. Фойгель Е.И. Некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании адвентальных преступлений // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2018. № 4. С. 219–224.
14. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Криминологико-психологические характеристики личности преступника: от теории к практике // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2020. Т. 11. № 3. С. 329–337.
15. Прохорова М.Л., Прохоров Л.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: эволюция уголовно-правового «статуса» // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 12. С. 289–292.
16. Гришко А.Я. Уголовная ответственность лидеров преступного мира: вопросы реализации // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2020. № 1. С. 46–51.
17. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2019. № 4. С. 43–48.
18. Суденко В.Е. Личностно-криминалистические свойства субъектов организованной преступности // *Военное право*. 2018. № 6. С. 297–303.
19. Харзинова В.М. Проблемы уголовно-правового регулирования преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней // *Пробелы в российском законодательстве*. 2017. № 3. С. 45–46.
20. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: статус или деяние? // *Уголовное право*. 2019. № 6. С. 81–85.
21. Федотова А.В. Ответственность в российском уголовном законодательстве за занятие высшего положения в преступной иерархии // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 9. С. 107–109.
22. Детков А.П., Свободный Ф.К. Определение предмета, объектов и компетенции судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 2-2. С. 32–35.
23. Агапов П.В. О роли судебной экспертизы в процессе доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014. № 1. С. 50–53.
24. Моисеева Т.Ф. Допустимость использования некоторых видов психологических исследований в рамках судебной экспертизы // *Вестник экономической безопасности*. 2018. № 1. С. 95–98.

REFERENCES

1. Bezlepkina O.V., Granitskiy R.B. Problematic issues of practical application of article 210.1 of the criminal code of the Russian Federation. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, 2020, no. 7, pp. 130–133.
2. Khlebnitsyna E.A., Shershakova E.K. Occupying the highest position in the criminal hierarchy: problems of theory and practice. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 132–137.
3. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. Crime boss and the grounds for liability: postmodernism in criminal law. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476.
4. Nazarov S.V. Special investigative techniques and prison correctional aspects of the fight against criminal activities “authorities” in places of deprivation of freedom. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*, 2018, no. 3, pp. 87–95.
5. Bykov A.V., Zenin S.S., Kudryashov O.V. The personality of the convicted penitentiary lawbreakers: general characteristics, identification principles and treatment. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. 64–73.
6. Tereshchenko V.V. Forms of using special psychological knowledge in criminal procedure in investigations of group crimes involving juveniles. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh*, 2016, no. 4, pp. 84–87.
7. Khorosheva A.E. Use of special knowledge in proceedings on criminal cases on hate crimes. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2018, no. 2-2, pp. 124–132.

8. Agapov P.V. The role of forensics in the process of proof in cases of crimes of an extremist. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2014, no. 1, pp. 50–53.
9. Butyrskaya A.V., Zagryadskaya E.A. Criminal organization leader as a systemically important element of organized crime and a threat to national and international security. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2016, no. 5, pp. 171–176.
10. Antonyan Yu.M. *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Criminal behavior motivation]. Moscow, YurLitinform Publ., 2018. 376 p.
11. Egorova N.A., Egorov A.G. Criminal liability for occupying a senior position in the criminal hierarchy: continuation of the discussion. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 34–44.
12. Freyd Z. “Ya” i “Ono”. *Izbrannye raboty* [“Ego” and “Id”. Selected works]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 165 p.
13. Foygel E.I. Some questions of the use of special knowledge at the investigation of advenal crimes. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 4, pp. 219–224.
14. Shalagin A.E., Khrustaleva O.N. Criminological and psychological characteristics of criminal’s personality: from theory to practice. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 329–337.
15. Prokhorova M.L., Prokhorov L.A. The highest position in the criminal hierarchy: evolution of criminal law “status”. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2019, no. 12, pp. 289–292.
16. Grishko A.Ya. Criminal liability of the leaders of the underworld: implementation issues. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 46–51.
17. Perezhogina G.V. The issues concerning the criminal liability for the highest position in the criminal hierarchy. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2019, no. 4, pp. 43–48.
18. Sudenko V.E. Personal-criminalistics properties of subjects organized crime. *Voennoe pravo*, 2018, no. 6, pp. 297–303.
19. Kharzinova V.M. Problems of criminal and legal regulation of the crime community (criminal organization) or participation in it. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2017, no. 3, pp. 45–46.
20. Skoblikov P.A. Taking the highest position in a criminal hierarchy: a status or an act? *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 6, pp. 81–85.
21. Fedotova A.V. Responsibility in Russian criminal law for occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, 2019, no. 9, pp. 107–109.
22. Detkov A.P., Svobodnyy F.K. Definition of subject, questions and the competence of the judicial psychological examination of the person awareness of the investigated event. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2-2, pp. 32–35.
23. Agapov P.V. The role of forensics in the process of proof in cases of crimes of an extremist. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2014, no. 1, pp. 50–53.
24. Moiseeva T.F. Admissibility of the use of certain types of psychological research in forensic examination. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2018, no. 1, pp. 95–98.

PSYCHOLOGICAL EXPERTISE IN COURT DURING INVESTIGATION OF CRIMINAL LEADERSHIP

© 2020

S.V. Kondratyuk, postgraduate student of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: holding the highest position within criminal hierarchy; crime unit boss; psychological expertise in court; crime boss attributes.

Abstract: The paper considers the possibilities of psychological expertise in court when proving the fact of guilty of a person holding the highest position within the crime hierarchy. The study understands the criminal hierarchy as a definite social crime unit controlled by authoritarianism principles. A crime unit boss obtains a leading position as a result of natural selection according to the psychological parameters of a person. The structure of a crime lord personality includes the specific appearance and behavior attributes. The author generalized personal traits of a crime lord of various tendencies and identified that the common personality trait of criminal units’ leaders is the love for power. The study showed that to achieve personal life attitude, the leader proves the status by the attributes of appearance and behavior. The acquisition of a leading position is associated with carrying out the initiation ceremony. The attitude of a person to the ritual of award of the highest status within the criminal hierarchy as well as to the attributes of a crime lord is considered as a fact to be determined in the process of investigation of such crimes. The paper specifies the parameters of a psychological model of a crime leader, proves the applicability of the court psychological expertise of emotional states and individual psychological constitution to identify the personal attitude of a suspect to various attributes of the highest status within the criminal hierarchy. The author defines general and particular objects of psychological expertise in court on the cases over the acquisition of a leading position within the criminal hierarchy. They can be a suspect personality, as well as the episodes of his/her behavior in the underworld and within the experiment conditions recorded using technical facilities. The study showed the rationale of the forensic examination of a group of people being members of one criminal unit. The author proposes the definition of issues placed for the resolution of the court psychological expertise of the crime leadership. The subject matter of the issues put before an expert is the identification of the importance of various crime leadership attributes for an examinee.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (СУДА)

© 2020

С.Н. Меркулов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Донецкий национальный университет, Донецк (ДНР)

Н.А. Панько, старший преподаватель кафедры криминалистики, аспирант
Донбасская юридическая академия, Донецк (ДНР)

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; субъекты уголовного судопроизводства; следственная (судебная) ситуация; негативные факторы расследования; критическое мышление; оценка доказательств; критерий достоверности.

Аннотация: В статье рассмотрено понятие критического мышления следователей, судей, других субъектов уголовного судопроизводства. Его применение обусловлено реалиями современной следственной и судебной практики. Отмечены недостатки механизма собирания и обработки доказательственной информации в расследовании (судебном рассмотрении) уголовных дел. Показаны перспективы применения критического мышления к пониманию ситуации расследования (рассмотрения) дела. Представлены преимущества ситуационного подхода к расследованию преступного события в условиях действия негативных факторов. Последние определены как те факторы, что приводят к уничтожению, искажению или фальсификации доказательственной информации. Ситуационный подход гарантирует полноту и всесторонность обработки добываемой доказательственной информации. С информационной точки зрения конкретизированы статическая и динамическая структуры критического мышления субъектов уголовного судопроизводства. Мышление следователя, суда определено как процесс перевода обстоятельств расследуемого (рассматриваемого) события в систему элементов предмета доказывания. Критичность мышления направлена на разрешение противоречий между доказательствами. Критичность задается комплексным характером мышления. Это позволяет субъекту уголовного судопроизводства принимать адекватные решения в условиях действия негативных факторов. Показателем качества критического мышления становится критерий достоверности. Этот критерий внесен в систему понятия критического мышления, сформулированного в статье. В структуру критического мышления включены методология научного исследования, научное мировоззрение, способы формирования внутреннего убеждения, алгоритмы принятия эвристических решений. Намечены пути формирования критического мышления у следователей и судей, других субъектов уголовного судопроизводства. Показано, что оно базируется на системе профессиональных знаний субъектов уголовного судопроизводства, закрепляется освоением практических приемов анализа носителей криминалистической информации. Показателем овладения таким мышлением названо правильное применение метода оценки для установления достоверности доказательств.

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе криминалистического направления отмечается несовершенство механизма собирания и обработки доказательственной информации в расследовании уголовных дел. Между тем учеными и практиками признана эффективность применения ситуационного подхода при расследовании преступлений [1]. Под ситуацией понимают сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение. Ситуационный характер расследования подразумевает исследование обстоятельств преступления по совокупности следов преступного события и ситуационных признаков. Задачей такого исследования является установление механизма преступного события. Однако реализация ситуационного подхода вызывает обоснованную критику. Отметим, что зачастую ошибочное мышление следователя при поиске, собирании, анализе собранной информации, а следовательно, при оценке сложившихся следственных ситуаций приводит к неправильному результату и неудачам в расследовании. Подчеркнем, что предметом познания в расследовании преступлений выступает криминалистическая информация, закрепленная на различных носителях: в памяти, материальных объектах, документах. Современная следственная и судебная практика свидетельствует о наличии многих факторов, препятствующих адек-

ватному представлению криминалистической информации. В любом случае познание события преступления происходит путем разрешения ряда вопросов для дополнения и уточнения исходного знания. Инструментом для этого служит мышление следователя, суда, других субъектов уголовного судопроизводства. Условия возможной искаженности криминалистической информации определяют критический характер такого мышления. Однако в научной литературе до сих пор отсутствуют разработки, направленные на обоснование критичности мышления указанных субъектов. Поэтому представляется актуальным исследовать структуру критического мышления и определить направления его формирования.

Ученые определяют мышление как процесс представления обстоятельств объекта в системе научных понятий [2]. Применительно к уголовному судопроизводству мышление его субъектов (следователя, суда и др.) рассматривают как процесс перевода обстоятельств расследуемого (рассматриваемого) события в систему элементов предмета доказывания [3].

Мышление критического характера, по мнению ученых, предполагает предварительный анализ исходных данных с целью установления их пригодности для формирования результата [4]. В рассматриваемом случае критичность мышления необходима для разрешения противоречий между доказательствами, возникающих вследствие действия разного рода негативных факторов.

Критическое мышление также известно как «комплексное мышление» и «мышление высшего порядка». Термин «мышление» определен в словаре как высшая ступень человеческого познания, процесса отражения объективной действительности. Мышление позволяет получать знание о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты на чувственной ступени познания. Критичность понимается как обсуждение, разбор чего-либо с целью оценить достоинства, обнаружить и выправить недостатки, а также исследование, научная проверка подлинности, правильности чего-либо.

Авторы полагают, что суть критического мышления или критического восприятия информации заключается в том, что субъект, сталкиваясь с неизвестными данными, выполняет три последовательных действия: определяет «авторитетность» источника информации (по выработанным критериям авторитетности), анализирует «тело» информационного сообщения (информация может быть фактологическая, оценочная, нормативная и т. д.), определяет «программу действий», заложенную в тексте (к каким поступкам побуждает информация и как эти действия соотносятся с законами этики) [5]. Так, развитое критическое мышление позволяет уверенно ориентироваться в поступающем массиве информации, анализировать его, определять сильные и слабые стороны, принимать адекватные решения, аргументировать свою позицию.

Цель исследования – уточнение понятия и структуры критического мышления субъектов уголовного судопроизводства, а также путей его формирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Информационный аспект доказывания

В доказывании выделяют информационный и логический пути познания. Доказывание трактуют как процесс извлечения, накопления, переработки, передачи и использования криминалистической информации. Носители такой информации определяем как доказательства. Их содержание связываем с обстоятельствами, подлежащими установлению в ходе расследования. Мы поддерживаем информационный подход в криминалистике, согласно которому расследование представляется как информационный процесс, а доказательства – как носители криминалистической информации. В классическом понимании информация – это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [6, с. 31]. В толковом словаре «информация» определена как сведения о каких-либо событиях, о чьей-либо деятельности; сообщение о чем-то. Но приведенные понятия в настоящее время уже не в полной мере отражают тот смысл, который аккумулирует в себе рассматриваемая категория. Авторы отмечают, что информация зависит от социальной среды и требует интерпретации. В сфере права она формирует его содержание. Поскольку в процессе расследования информация добывается и перерабатывается криминалистическими средст-

вами, то ее обозначают термином «криминалистическая». Мы связываем понятие информации с доказательствами, которыми могут быть показания, документы, вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве. В процессе расследования и судебного рассмотрения дела криминалистическая информация приобретает значение доказательственной.

Негативный характер следственной ситуации

Наличие негативных факторов процесса расследования (судебного рассмотрения) определяет проблемный характер следственной ситуации. Информационные признаки носителей криминалистической информации нередко бывают измененными либо сфальсифицированными. Поскольку в процессе расследования они становятся доказательствами, из всей их массы необходимо выделять только неискаженные и реальные. Инструментом такого распределения информативных признаков соответственно их качеству становится мышление субъекта уголовного судопроизводства. Критичность такого мышления проявляется в способности следователя правильно интерпретировать признаки, присущие доказательствам. В расследовании применяют критерий достоверности. Его понимают как свойство носителя криминалистической информации правильно и с достаточной полнотой отображать обстоятельства расследуемого события. Достоверность определяет доказательственное значение такого носителя. Эта характеристика обусловлена конкретными обстоятельствами дела, т. е. важностью фактических данных, подлежащих установлению. Отсюда можно заключить, что достоверность становится показателем эффективности производимого расследования. В таком понимании критическое мышление следователя служит выделению достоверных доказательств из всей массы информационных источников. Тогда понятие критического мышления следователя (суда) можно определить как процесс построения системы достоверных носителей криминалистической информации в условиях действия негативных факторов информационного характера.

В условиях множественности негативных факторов при расследовании преступлений применяется системный подход. В научной литературе такой подход определен как рассмотрение объекта (обстоятельства, факта, материальной вещи) в качестве системы взаимосвязанных элементов. Между ними установлены внутренние связи, а также связи с внешним окружением. Значение каждого элемента системы определено исходя из общего предназначения объекта [7]. Основным принципом такого подхода является исследование частей в неразрывном единстве с целым, однако так, чтобы целостность не была нарушена, а части продолжали составлять систему. Подчеркнем, что именно ситуалогический подход к анализу криминалистической информации обеспечивает полноту расследования преступного события как определенной системы взаимосвязанных факторов и условий. Такой подход гарантирует полноту и всесторонность обработки имеющейся информации.

Сказанное становится решающим в свете условий принятия процессуального решения, на которые указывают современные авторы: недостаток сведений об обстоятельствах расследуемого события, дефицит времени для обдумывания таких решений, активное противо-

действие расследованию, жесткие рамки правовых, этических, технических и финансовых ограничений. Успешный следователь умеет обрабатывать фрагментированную информацию, объяснять нарушение причинно-следственных связей, выдвигать реальные версии случившегося, прогнозировать поведение фигурантов и дальнейшее развитие ситуации, диагностировать ложь и фальсификации. Очевидно, что в условиях информационной неопределенности системный подход реализован критическим мышлением. Заметим, что процессуальные решения в таких условиях требуют привлечения алгоритмов эвристики.

Критическое мышление в смежных науках

Ученые высказывают различные точки зрения относительно определения термина «критическое мышление», которые в целом сводятся к таким основным признакам: 1) способность субъекта анализировать информацию [8]; 2) умение аргументировать свою точку зрения [9]; 3) умение применять полученные результаты в стандартных и нестандартных ситуациях. В любом случае критическое мышление связывают с научным мировоззрением.

В таких науках, как психология и педагогика, категория критического мышления является достаточно разработанной. В научных трудах советского периода основным признаком данного вида мышления признавалось умение аргументированно опровергать страдающие недочетами доказательства и контролировать правильность выдвигаемых собственных суждений [10]. На сегодняшний день применяемые в различных сферах социальной жизни методы и технологии критического мышления позволяют качественно оценивать поступающую из внешнего мира информацию, ограждать людей от негативного влияния средств массовой информации, рекламы, неформальной среды и т. п. Соответственно, в профессиональной деятельности следователя (суда) критическое мышление позволяет анализировать и качественно формировать доказательственный массив информации. Способность субъекта расследования критически мыслить является одним из важных факторов, определяющих его профессионализм. Это обуславливается тем, что в основе критического мышления лежат принципы логики, философии, риторики, педагогики, методологии, психологии, социологии, общей теории аргументации, теории коммуникации и прагматологии, теории практического мышления и т. д. [11]. Критический характер мышления должен целенаправленно формироваться в ходе обучения на юридических факультетах.

Фактор информационной неопределенности

Рассмотрим структуру критического мышления субъекта уголовного судопроизводства с учетом действия фактора информационной неопределенности. В юридической науке для изучения понятий применяется системно-структурный метод [12]. По мнению ученых, благодаря структурности как виду отношений, характеризующих иерархию элементов в системе, объект исследования можно рассматривать как совокупность свойств и признаков, отображающих связи элементов в их структурно-системном аспекте. При этом систему рассматривают как определенную совокупность эле-

ментов с их взаимосвязями и взаимоотношениями, составляющими некоторое неразрывное единство, имеющее вид организованной упорядоченной структуры [13]. Системно-структурный подход представляет любую деятельность как систему, каждый элемент которой имеет собственные функции и связи (внутренние и внешние) [14]. Ученые признают, что объекту присуще одновременно значительное количество структур, отличающихся аспектами, в которых он подлежит изучению [15]. Так и критическое мышление в нашем исследовании обладает структурой. Ее подразделяем на статическую и динамическую в зависимости от направленности на преодоление разного рода негативных факторов.

В общенаучном понимании фактор – это движущая сила или причина определенного процесса, существенное обстоятельство протекания, момент изменения его характера. Негативные факторы расследования могут быть как естественного происхождения, так и умышленные, направленные на вещественные доказательства и иные исследуемые объекты. Среди факторов, определяющих результативность расследования (судебного рассмотрения), можно выделить ряд негативных причин, приводящих к искажению криминалистической информации. К ним относим естественные процессы изменения носителей информации, таких как следы, документы, информационные файлы и другие исследуемые информационные носители, а также фактор умышленного их искажения, осуществляемого в целях противодействия расследованию. Вместе с тем критичности мышления следователя (суда) способствует применение научных методов выявления противоречий между признаками различных носителей информации. В условиях действия негативных факторов не исключена вероятность фальсификации доказательств или намеренного изменения их признаков. Поэтому в статическую структуру критического мышления субъекта уголовного судопроизводства включаем систему научных методов (анализа, синтеза, сравнения, эксперимента и т. п.), а в динамическую структуру – алгоритмы применения этих методов.

Метод оценки в теории и практике судопроизводства

Оценка доказательств в уголовно-процессуальном праве проходит через призму внутреннего убеждения субъекта судопроизводства. Оценка рассматриваем в структуре критического мышления как общенаучный метод. «Оценка – это способ установления значимости какого-либо для субъекта, который познает и который действует...». Оценка доказательства, а также обстоятельства, факта, ситуации субъект уголовного судопроизводства производит соответственно тем представлениям, которые сформировались у него в процессе обучения и профессиональной деятельности. По нашему мнению, адекватность применения метода оценки к доказательствам формируется базовыми криминалистическими знаниями. А закрепление субъектами уголовного судопроизводства приемов исследования механизма следообразования, следов и других носителей криминалистической информации реализуется в ходе практической деятельности.

Лицо, в производстве которого находится дело, устанавливает соответствие объекта оценки представлениям,

сложившимся у него о надлежащем состоянии обстоятельств и фактов в деле, т. е. об определенном эталоне. Очевидно, процедура оценки состоит в установлении следователем (судом) ценности объекта как носителя криминалистической информации на основании изучения его свойств и признаков, а также сопоставления с эталонами. В результате сопоставления изложенных представлений об оценке с другими научными методами ее можно отнести к общим (общепопулярным) методам в структуре критического мышления.

В литературе выделяют различные типы ценностей объекта оценки: гносеологическая, аксиологическая, практическая оценка [16]. Гносеологическая оценка наблюдается, например, когда в процессе проведения расследования субъект признает доказательство как допустимое/недопустимое. Аксиологическую оценку следователь использует для установления степени доказательственного значения конкретного носителя информации. Практическая оценка применяется во многих случаях принятия решения на основании внутреннего убеждения следователя (суда). Например, по нашим наблюдениям, такое происходит, когда следователь признает результаты предъявления для опознания как достаточное основание для идентификационного вывода. В процессе критического мышления применяется оценка всех трех типов.

Ученые-логики выделяют следующие компоненты оценки: субъект (следователь, суд), объект (доказательства, обстоятельства, факты), предмет (подсистема признаков объекта, относительно которой устанавливается его значение), основание (образцы, нормы, стандарты, чувства, внутреннее убеждение), характер, аксиологическая шкала [17]. Рассмотрим некоторые из них.

Неразрывность оценки и условий досудебного следствия или судебного рассмотрения дела позволяет обратить внимание на процессуальные факторы, влияющие на понимание категории оценки, такие как нормы материального и процессуального права. Их, а также моральные и этические нормы можно рассматривать как границы, условия, требования к осуществлению оценки в уголовном судопроизводстве. Поскольку результат оценивания доказательства может определить степень его достоверности, то оценка занимает место элемента структуры критического мышления.

Представляет актуальность для ученых и вопрос, связанный с сущностью системы свойств и признаков, по которым осуществляют оценку [18]. В процессе разрешения конкретного противоречия следователь (суд) выбирает признаки исследуемого доказательства на основе собственных представлений о его достоверности. Оценка в уголовном судопроизводстве имеет основаниями определенные процессуальные условия и эталоны. Заметим, что последние формируются в процессе обучения и практической деятельности следователя. В результате осуществления операции логического сопоставления объекта оценки с этими условиями и эталонами устанавливается его соответствие/несоответствие им. Такую совокупность признаков и свойств реального объекта, подлежащую оцениванию, определяют как предмет оценки. Объектом оценки становятся конкретные доказательства (следы, показания, документы, вещественные доказательства, а также обстоятельства и факты) [19]. Предмет оценки – это подсистема при-

знаков объекта, относительно которой устанавливается его ценность в аспекте задач расследования. С предметом оценки в прямой и обратной логической связи находится система свойств и признаков эталона, с которым сопоставляют объект оценки. Такую систему определяют как основание оценки – это то, с учетом чего субъект (следователь, суд) дает оценку, т. е. образцы, нормы, стандарты, чувства, убеждения, знания и т. п. Системы признаков, составляющих предмет и основание оценки, в процессе сопоставления могут совпадать / не совпадать в различной степени, как в количественном, так и качественном плане. Для обозначения результата такого сопоставления употребляют термин «характер оценки», который определяет качественную ориентированность операции сопоставления объекта с эталоном и выявляет, квалифицирует ли оценка свой объект как такой, что отвечает / не отвечает эталону по абсолютным или относительным критериями [20].

В научной литературе представлена позиция, согласно которой исследователь реализует метод оценки соответственно своим представлениям и убеждениям [21]. Результат оценивания конкретного объекта определен не только свойствами этого объекта, но и рядом субъективных и объективных факторов, среди которых можно назвать такие: кто именно совершает акт оценивания; какая иерархия ценностей и какие задания поставлены перед следователем (судом); на основании какого суждения признакам объекта присваивается позитивное или негативное значение; какие аспекты объекта оценки актуализирует субъект в процессе оценивания; какой из этих аспектов следователь (суд) считает существенным. В процессе оценивания его объекты классифицируются по специально созданным основаниям, в чем заключается определенная субъективность категории оценки. Границы классов, по которым распределяют объекты в процессе оценивания, характеризуются подвижностью. Отдельный информационный признак в одной следственной ситуации для одного субъекта оценки может иметь весомое значение, а в другой – наоборот. Ограниченный круг признаков и свойств объекта, т. е. предмет оценки, всегда устанавливает следователь (суд) на основе содержания сложившейся ситуации. В этом проявляется критичность мышления применительно к процедуре оценки доказательств.

Из того, что основанием оценки являются соответствующие информационные признаки объекта, а характер оценки означает, что эти признаки в достаточной степени присутствуют в объекте, следует вопрос об аксиологической сущности процесса оценивания доказательств. Аксиологическая шкала оценки должна содержать масштаб, т. е. меру расстояния между точками: «нулевая степень», «средняя степень», «значительная степень присутствия компонента оценки» [22].

Следует признать, что в процессе следственно-судебной деятельности, выполняя последовательность актов оценивания доказательств, следователь (суд) постоянно создает собственные представления о ценности показаний, следов, документов, а также обстоятельств и фактов, относящихся к предмету доказывания. Можно заключить, что он создает личную оценочную картину события, подлежащего расследованию (рассмотрению)

судом) [23]. Оценочная картина, которую составляет следователь, может не совпадать с оценочной картиной, созданной другими субъектами уголовного процесса. Эталоны процедуры оценки формируются благодаря личному профессиональному опыту субъекта. Этим суждением подтверждаем значение профессиональной подготовки (переподготовки) следователя (суда) для формирования критического мышления.

Основанием оценки доказательств называют внутреннее убеждение субъекта. Исследованию внутреннего убеждения посвящены работы многих отечественных процессуалистов и криминалистов [24]. Определяют его как субъективную уверенность лица, основанную на оценке объективных данных, обстоятельств и фактов. Эта уверенность обусловлена правосознательностью лица, его социальной и психологической характеристиками, моральными представлениями, эмоциями, взглядами и т. д. [25]. Утверждаем, что внутреннее убеждение субъекта уголовного судопроизводства выходит за рамки основания оценки. Оно становится непосредственным элементом критического мышления. Так, к статической структуре критического мышления относим метод оценки, а к динамической – процедуры формирования внутреннего убеждения следователя (суда).

Критический анализ следственной (судебной) ситуации

Побудительным фактором применения критического мышления называют проблемную ситуацию. Ее определяют как недостаточность исходной информации для принятия процессуального решения. Разрешение проблемных ситуаций, по мнению ученых, требует интеллектуальной активности субъекта и применения определенных познавательных стратегий [26]. Путем применения критического мышления субъект восполняет имеющиеся пробелы для построения информационной картины расследуемого (рассматриваемого) события.

Интеллектуальное и профессиональное развитие, являясь основой формирования субъекта доказывания [27], напрямую зависит от способности данного субъекта к критическому анализу. Субъект уголовного судопроизводства, обладая способностью критического мышления, способен: собирать и обрабатывать информацию; уяснять ее; определять задачи, которые необходимо решить, и ставить вопросы для их разрешения; формулировать идеи и оценки, убедительно аргументировать их; эффективно взаимодействовать с другими участниками судопроизводства. Исходя из этого можно утверждать, что процесс расследования преступлений основывается на умении следователя (суда) критически воспринимать и анализировать получаемую информацию. И процесс оценки полученных доказательств на всех стадиях производства основан на возможностях критического мышления субъектов уголовного судопроизводства.

Примеры применения критического мышления нередко встречаются в современной практике уголовного судопроизводства. Так, судебной практикой признано, что если организатор совершения разбойного нападения предполагает, что у исполнителей имеется оружие, то он обязан нести ответственность за это, а также за все вероятные последствия его применения. Экстрапо-

лируя сказанное, можно утверждать, что расследование преступлений, совершенных в соучастии, содержит элемент неопределенности, связанный с несовпадением личных целей организатора преступной группы с конкретными целями исполнителей. На практике успех расследования обеспечен, если признается обязанность организатора отвечать за все противоправные действия, которые совершили исполнители. Обращаем внимание, что данное утверждение основано на внутреннем убеждении, сложившемся у следователя (суда) в процессе практической деятельности.

Другим примером критического мышления может служить приговор Верховного суда Республики Башкортостан, признавший партию «Хизбут Тахрир аль-Ислами» преступным сообществом. Как видно из опубликованных материалов дела, основанием приговора послужили результаты экспертиз и экспертных исследований. Учитывая отсутствие специальных знаний у суда, считаем его решение результатом критического мышления, примененного к анализу системы доказательств.

В современной следственно-судебной практике трудности вызывает расследование обстоятельств принадлежности лица к высшей преступной иерархии (ст. 240.1 УК РФ). В научной литературе представлены справедливые замечания об отсутствии законодательно определенных признаков указанного деяния [28]. Поэтому только с применением критического мышления можно обосновать справедливость судебного решения по делу тюменского «вора в законе» по кличке Черный, который на протяжении длительного периода назначал и контролировал «положенцев» и «держателей общаков».

На необходимость применения критического мышления указано, по нашему мнению, в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Так, при рассмотрении дел о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии судьям предписано учитывать, что преступное сообщество характеризуется наличием общих целей при подготовке и совершении исключительно тяжких видов преступлений и присутствием не менее двух ранее самостоятельных организованных преступных групп. При этом некоторые авторы справедливо отмечают, что никаких различий между существующими понятиями преступного сообщества и преступной организации уголовным правом не предоставлено. На сегодняшний день имеющиеся преступные сообщества в России по своему составу неоднородны, не обладают устойчивыми связями. Отдельные организованные преступные сообщества формируются по принципу совершения преступлений в сфере экономики и действуют под прикрытием официально зарегистрированных компаний и организаций [28]. Поэтому стандартных алгоритмов расследования преступлений, связанных с организацией преступного сообщества, на настоящий момент не разработано. Становится очевидным, что в успешной следственно-судебной деятельности применение находит системный подход и критический анализ криминалистической информации.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Уточнено понятие критического мышления субъектов уголовного судопроизводства. На примерах из следственно-судебной практики продемонстрировано его решающее значение для установления обстоятельств предмета доказывания в условиях информационной неопределенности.

2. Применен информационный подход к формированию структуры критического мышления. В статическую структуру критического мышления субъектов уголовного судопроизводства включены методология научного исследования, научное мировоззрение, способы формирования внутреннего убеждения, алгоритмы принятия эвристических решений. К динамической структуре критического мышления отнесены формирование у субъекта базовых знаний о процессах следообразования и формирования криминалистической информации, закрепление практических приемов анализа носителей криминалистической информации, применение метода оценки для установления достоверности доказательств.

3. Показаны пути формирования критического мышления в процессе профессиональной подготовки (повышения квалификации) следователей и судей, других субъектов уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волчецкая Т.С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 59–64.
- Кузин И.В. «Слепое пятно» мышления как депривация частного // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2017. № 2. С. 3–12.
- Бахтеев Д.В. Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 13–20.
- Демидова А.С., Шкунова А.А., Прохорова М.П. Критическое мышление в менеджменте // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 3. С. 147–152.
- Арсеньев К.С., Смолянинова О.Г. Методологический анализ современных подходов к развитию критического мышления // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 4. С. 123–130.
- Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Иностранная литература, 1958. 200 с.
- Берталанфи Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
- Шуман А.Н. Современная логика: теория и практика. Минск: Экономпресс, 2004. 416 с.
- Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Критическое мышление и новые виды грамотности. М.: ЦГЛ, 2005. С. 5–13.
- Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 696 с.
- Акрамова Г.Р. Развитие критического мышления как условие социализации учащихся // Педагогическое образование и наука. 2016. № 6. С. 144–146.
- Эйсман А.А. Структура и язык описания предмета доказывания // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1973. Вып. 19. С. 88–109.
- Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2000. № 4. С. 3–19.
- Шестов С.Н. Технологии общественного документирования: структура и обоснование // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2017. № 4. С. 111–122.
- Жигулин А.М., Моисеев А.М. Документирование военных преступлений в условиях вооруженного конфликта. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.
- Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. М.: Просвещение, 1990. 240 с.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
- Кондратюк С.В., Румянцев П.А. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 112–115.
- Ивин А.А. Логика и ценности // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М.: Центр совет. философ. (методич.) семинаров при Президиуме АН ССР, 1988. С. 39–47.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. I–XV. 896 с.
- Закомолдин Р.В., Кондратюк С.В. Критерии выбора обстоятельств, используемых в качестве квалифицирующих признаков преступления // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 116–120.
- Моисеева Ф.А. Научные основы моделирования оценочных речевых актов в процессуальных документах // Современное общество и власть. 2016. № 3. С. 437–442.
- Белкин Р.С. Курс криминалистики: частные криминалистические теории. В 3-х т. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
- Panko N.A. The expert explanation as a kind of a special study in criminal procedure // Russian Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 5. № 1. P. 21–28.
- Еникеев М.И. Общая и социальная психология. М.: Норма, 1999. 624 с.
- Моисеев А.М., Шестов С.Н. Управление специальными исследованиями в документировании событий общественного значения // Вестник Института экономических исследований. 2016. № 4. С. 100–107.
- Герасимова Е.В., Ченчиковский А.Д. Организованная преступность. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2. С. 177–188.

REFERENCES

1. Volchetskaya T.S. The doctrine of criminalistics situations: the genesis, current state and development prospects. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2019, no. 2, pp. 59–64.
2. Kuzin I.V. “Blind spot” of thinking as deprivation of private. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*, 2017, no. 2, pp. 3–12.
3. Bakhteev D.V. Forensic thinking and crime investigation programming. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, no. 3, pp. 13–20.
4. Demidova A.S., Shkunova A.A., Prokhorova M.P. Critical thinking in the field in management. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2019, no. 3, pp. 147–152.
5. Arsenev K.S., Smolyaninova O.G. Methodological analysis of modern approaches to development of critical thinking. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2019, no. 4, pp. 123–130.
6. Viner N. *Kibernetika i obshchestvo* [The human use of human beings. Cybernetics and Society]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 200 p.
7. Bertalanfi L. General theory of systems – the review of problems and results. *Sistemnye issledovaniya: ezhegodnik*. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 30–54.
8. Shuman A.N. *Sovremennaya logika: teoriya i praktika* [Contemporary logics: theory and practice]. Minsk, Ekonompress Publ., 2004. 416 p.
9. Kluster D. What is the critical thinking? *Kriticheskoe myshlenie i novye vidy gramotnosti*. Moscow, TsGL Publ., 2005, pp. 5–13.
10. Blonskiy P.P. *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* [Selected pedagogical works]. Moscow, Akad. ped. nauk RSFSR Publ., 1961. 696 p.
11. Akramova G.R. Development of critical thinking as a condition of socialization of students. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 2016, no. 6, pp. 144–146.
12. Eysman A.A. The structure and language of description of a fact of proof. *Voprosy borby s prestupnostyu*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. Vyp. 19, pp. 88–109.
13. Koldin V.Ya. Criminalistics: theoretical science or applied methodology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2000, no. 4, pp. 3–19.
14. Shestov S.N. The technologies of the public documentation: structure and rationale. *Vestnik Donbasskoy yuridicheskoy akademii. Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 111–122.
15. Zhigulin A.M., Moiseev A.M. *Dokumentirovanie voennykh prestupleniy v usloviyakh vooruzhennogo konflikta* [The documenting of military crimes in armed conflict]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 208 p.
16. Ivin A.A. *Iskusstvo pravilno myslit* [The skill of proper thinking]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 240 p.
17. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment, event, fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
18. Volf E.M. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantic of assessment]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p.
19. Kondratyuk S.V., Rummyantsev P.A. System and consistency in applying qualifying elements of an offence. *Gumanitarnye balkanskie issledovaniya*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 112–115.
20. Ivin A.A. Logics and values. *Myshlenie. Kognitivnyye nauki. Iskusstvennyy intellekt*. Moscow, Tsentr. sovet. filosof. (metodich.) seminarov pri Prezidiume AN SSR Publ., 1988, pp. 39–47.
21. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and World]. 2nd ed., ispr. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury” Publ., 1999. I–XV, 896 p.
22. Zakomoldin R.V., Kondratyuk S.V. Criteria for the selection of circumstances used as a signs qualifying the crime. *Gumanitarnye balkanskie issledovaniya*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 116–120.
23. Moiseeva F.A. Scientific basis of modeling assessment speech acts in the procedural documents. *Sovremennoe obshchestvo i vlast*, 2016, no. 3, pp. 437–442.
24. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki: chastnye kriminalisticheskie teorii* [The course of criminalistics: specific criminalistic theories]. Moscow, Yurist Publ., 1997. Vol. 2, pp. 464 p.
25. Panko N.A. The expert explanation as a kind of a special study in criminal procedure. *Russian Journal of Legal Studies*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 21–28.
26. Enikeev M.I. *Obshchaya i sotsialnaya psikhologiya* [General and social psychology]. Moscow, Norma Publ., 1999. 624 p.
27. Moiseev A.M., Shestov S.N. Management the special researches in documenting of events of community sense. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy*, 2016, no. 4, pp. 100–107.
28. Gerasimova E.V., Chenchikovskiy A.D. Organized crime. The highest position in the criminal hierarchy: criminal law, its interpretation and application. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 177–188.

CRITICAL THINKING IN ACTIVITIES OF AN INVESTIGATOR (COURT)

© 2020

S.N. Merkulov, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure
Donetsk National University, Donetsk (DPR)
N.A. Panko, senior lecturer of Chair of Criminalistics, postgraduate student
Donbass Law Academy, Donetsk (DPR)
I.T. Trubilin *Kuban State Agrarian University, Krasnodar (Russia)*

Keywords: criminal proceedings; subjects of criminal proceedings; investigative (judicial) situation; negative factors of investigation; critical thinking; evaluation of evidence; reliability criterion.

Abstract: The paper considers the concept of critical thinking of investigators, judges, and other subjects of criminal proceedings. Its application is determined by the realities of current investigative and judicial practice. The authors note

the shortcomings of the mechanism for collecting and processing evidentiary information in the investigation (judicial examination) of criminal cases. The study shows the prospects of applying critical thinking to understanding the situation of the investigation (consideration) of a case. The paper presents the advantages of a situational approach to the examination of a criminal event under the influence of negative factors. Such factors are defined as those that lead to the destruction, distortion, or falsification of evidence. The situational approach guarantees the completeness and comprehensiveness of processing the obtained evidentiary information. From the informational point of view, the authors specify the static and dynamic structures of critical thinking of subjects of criminal proceedings. The paper defines the thinking of an investigator and the court as the process of transferring the circumstances of an event under investigation (consideration) into the system of elements of the subject of evidence. Critical thinking aims at resolving contradictions between the sources of evidence. The complex nature of thinking defines criticality. This allows the subject of criminal proceedings to make proper decisions in the face of negative factors. The reliability criterion becomes an indicator of the quality of critical thinking. This criterion is included in the system of the concept of critical thinking formulated in the paper. The structure of critical thinking includes the methodology of scientific research, scientific worldview, ways of forming internal beliefs, and algorithms for making heuristic decisions. The authors outline the ways of critical thinking formation among investigators and judges, and other subjects of criminal proceedings. The study shows that it is based on the system of professional knowledge of subjects of criminal proceedings, is confirmed by the development of practical techniques for analyzing carriers of forensic information. The correct application of the evaluation method to establish the reliability of evidence is called an indicator of mastering such thinking.

ОСОБЕННОСТИ УСМОТРЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

© 2020

Ю.В. Оносов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург (Россия)

Ключевые слова: усмотрение в праве; романо-германская правовая семья; источники права; судебный прецедент; судебное усмотрение; нормативный правовой акт; характеристики романо-германской правовой семьи.

Аннотация: В статье рассматриваются общие закономерности, влияющие на усмотрение в правоприменительной и правотворческой практике в странах романо-германской правовой семьи. Дана развернутая характеристика важнейшим закономерностям, связанным с проявлением усмотрения в правоприменительной и правотворческой практике государств указанной правовой семьи. В частности, обращено внимание на двойственный характер судебного нормотворчества, выраженный кодифицированный характер законодательства, ведущую роль нормативного правового акта в системе источников права, наличие явной концептуальности и доктринальности и другие важнейшие факторы. В сопоставлении с системой общего права континентальная правовая семья характеризуется значительным влиянием работ ученых-юристов, выраженным и интенсивным восприятием юридических доктрин и теорий. Отмечается, что массив актов толкования оказывает значительное влияние на единообразие судебной практики в континентальной правовой системе, поскольку это является способом придания гибкости правовому регулированию общественных отношений. Кроме того, кодификаторы используют для формулирования предписаний большого количества научно обоснованных общих положений, на которые делается основной упор. Рассматривается тот факт, что в романо-германской правовой семье юристы рассматривают в качестве недопустимой ситуацию, при которой воля судебных органов определяет решения, принимаемые законодателем, поскольку традиционной является ситуация, при которой воля законодателя реализуется судебными органами. Делается вывод о том, что верховенство закона является стабильным принципом континентальной правовой системы. Указано, что наибольшее внимание в научной разработке необходимо уделять проблемам правоприменительного усмотрения. Так, судебное усмотрение в праве в наибольшей степени характерно для правовых систем англосаксонской правовой семьи, административное усмотрение (усмотрение органов административной юрисдикции) – для романо-германской правовой семьи. Сложившаяся в том или ином государстве правовая система определяет общие и частные закономерности реализации усмотрения в юридической практике.

ВВЕДЕНИЕ

Романо-германская правовая семья доминирует по числу стран, входящих в ее состав. Сюда относится вся континентальная Европа, Латинская Америка, Ближний Восток, Средняя Азия, Дальний Восток и др. Среди государств Европы к романо-германской правовой семье принадлежат правовые системы России, Германии, Франции, Италии, Испании и многих других стран. По оценкам юристов-правоведов, более половины всех государств можно отнести к романо-германской правовой семье.

Развитие правовой системы различных государств и влияние усмотрения в практике судебных и административных органов связано с воздействием множества факторов и проявлением общих закономерностей. В целом правовое регулирование в любой правовой системе представляет собой воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения и развития с помощью различных элементов механизма правового регулирования (норма права, юридический факт, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей и другие). Определение правовой системы не только дает структурную характеристику правовой действительности, ее общую конструкцию, но и отражает генетический аспект системы – роль и соотношение правотворческой и правоприменительной деятельности компетентных органов [1].

Вопросы усмотрения в юридической практике романо-германской правовой семьи являются предметом широкого научного исследования в связи с рассмотрением особенностей соответствующих правовых систем.

В доктрине вопрос особенностей усмотрения в юридической практике стран романо-германской правовой семьи рассматривается в нескольких научных источниках как отечественных, так и зарубежных авторов [2–4].

Следует обратить внимание, что ряд авторов акцентируют свое внимание на отдельных закономерностях усмотрения: особой роли судебного прецедента как источника права и двойственном характере судебного нормотворчества [5–7], выраженном кодифицированном характере законодательства романо-германской правовой семьи [3; 4], ведущей роли нормативного правового акта в системе источников права [8; 2], наличии явной концептуальности и доктринальности [9; 10]. Таким образом, важными, актуальными и дискуссионными вопросами усмотрения являются его правовая природа и особенности реализации в юридической практике различных государств.

Цель исследования – анализ факторов и закономерностей, отражающих специфику усмотрения в юридической практике государств романо-германской правовой семьи.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основу методики исследования составили исследовательский метод познания и аналитический метод. Применен анализ монографической литературы с целью выявления наиболее важных закономерностей усмотрения в романо-германской правовой семье. На наш взгляд, сравнительно-правовое исследование является

важной основой развития национального правопорядка, поскольку критика отрицательных характеристик национальных правовых систем, а также анализ факторов и закономерностей имеют в этом смысле положительное значение. Для более полного понимания многообразия факторов необходимо изучение отдельных типовых положений законодательства, доктрины и судебных прецедентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Ведущая роль нормативного правового акта в системе источников права

По нашему мнению, данный фактор является сдерживающим для проявления отрицательных тенденций правоприменительного усмотрения, а конкретнее судебного. Придание судебному решению силы закона повлияет на выделение главенствующей роли судебной власти в системе разделения властей, проявится прежде всего в злоупотреблениях и неправосудных судебных решениях и нарушит систему сдержек и противовесов между тремя ветвями власти.

В системе романо-германского права закон в системе источников права имеет особую значимость. Так, развитие романо-германской семьи права связано не с судебной практикой, не с решением судов, которые создают прецеденты (как в англо-саксонской правовой семье), не с толкованиями священных текстов (как в мусульманской семье традиционного права), а с законодательством. Закон остается в романо-германской семье главным источником права.

Верховенство закона – стабильный принцип континентальной правовой системы. Различаются, например, федеральные законы и федеральные конституционные законы (Россия), законы и органические законы (Франция), конституционные, органические и ординарные законы (Молдова, Румыния). Интересным представляется тот факт, что в системе романо-германского права в случае возникновения противоречий между источниками права коллизонная норма должна содержаться в самих нормах права, в структуре законодательства. В странах общего права же, наоборот, юрист, сталкиваясь с пробелом или противоречием, решает спор на основе анализа сходных судебных решений [2].

Например, при рассмотрении источников германского права авторы ограничились лишь формально-юридическим подходом, согласно которому признается только два вида источников права – законы (Geserts) и обычное право (Gewohnitsrecht). Вместе с тем формально-юридический подход имеет свой недостаток: судами необоснованно могут не учитываться решения Конституционного суда и иных высших судебных инстанций, а также акты применения права Европейского союза.

Такого рода тенденция – опираться на закон как основной источник права, с одной стороны, соответствовала, по мнению авторов, установленным в обществе принципам демократии [3], а с другой – оправдывалась тем, что государственные органы обладают гораздо большими возможностями по сравнению с любыми иными организациями «для координации деятельности различных секторов общественной жизни и для определения общего интереса» [3, с. 78].

Выраженный кодифицированный характер законодательства романо-германской правовой семьи

Германскую традиционную законодательную технику отличает высокий уровень доктринальности нормативных правовых актов, и в первую очередь кодификационных. Кодификаторы используют для формулирования предписаний большое количество научно обоснованных общих положений, на которых делается основной упор [3]. Кодекс, создаваемый по германской методике, выступает как основная форма нормативного выражения и формального закрепления научно-правовых концепций, определяющих правовое регулирование в различных сферах социальной жизни. Немецкие законодатели и кодификаторы традиционно стремились сделать нормативные правовые акты доступными для полного и точного осознания узким кругом специалистов-правоведов. Кодексы разрабатываются согласно германской методике, ориентированы преимущественно на осуществляемое специально подготовленными в профессиональном либо научном отношении лицами профессиональное толкование. В этой связи подобные систематизирующие акты являются доступными с точки зрения осознания и использования в основном для профессиональных юристов [4].

Наличие созданных по германской методике кодексов дает возможность достаточно полно, точно и объективно отразить в действующем законодательстве особенности правовой регламентации, сохраняя при этом системность законодательства, смысловую связь между его элементами, обеспечив логическую подчиненность специализированных законов общим положениям, определяющим отрасль права.

Особая роль судебного прецедента как источника права и двойственный характер судебного нормотворчества

Во-первых, мы не можем отрицать тот факт, что даже в ситуации статуса судебного решения как акта толкования, которое не обладает принципом общеобязательности и нормативности, массив актов толкования оказывает значительное влияние на единообразие судебной практики в континентальной правовой системе, поскольку это является способом придания гибкости правовому регулированию общественных отношений. Во-вторых, общая традиция осмысления актов толкования права, которое опосредуется изданием комментариев авторитетными юристами, подготовкой профессиональных рекомендаций и изданием обзоров судебной практики, заключается в том, что совокупность актов толкования и комментариев ученых-правоведов не называется прецедентным правом.

При этом во входящих в англо-саксонскую правовую семью государствах следует отметить выраженную общность с прецедентным правом указанной совокупности научных знаний правового характера, носящих наименование «судебной практики» [5]. Вместе с тем в правовых системах континентального права судебный прецедент не обладает тем господствующим положением, которое он занимает в семье общего права [6]. Нельзя отрицать проявления этого института в романо-германской правовой семье, особенно сегодня, в условиях интенсивных процессов глобализации.

Если рассмотреть систему источников права Германии, где «судебное право формально не признается сколько-нибудь значащим источником права» [7, с. 88], то следует обратить внимание, что суды играют значимую роль в сфере создания актов официального толкования. Благодаря судебной практике судьи фактически вносят многочисленные изменения в действующее право. Особенно это касается случаев, когда содержащиеся в законодательстве формулировки страдают неопределенностью (например, такие как «разумный человек», «разумная заботливость», «разумные цели»). При указанной неопределенности у судьи всегда имеются достаточные основания для обоснования любого принятого решения, но с учетом разумной заботливости честного человека [8].

Кроме того, в ФРГ не предусмотрен на нормативном уровне обязательный учет при рассмотрении в дальнейшем дел, являющихся сходными, решений, принятых судами предшествующих инстанций. Таким образом, применительно к ФРГ отсутствуют основания для вывода о том, что в стране формируется судебная практика, являющаяся единообразной, что прецедент определяет решения, принимаемые судами в дальнейшем, и что решения принимаются судами с учетом судебных решений, принятых ранее (подобное впечатление может сложиться при недостаточно глубоком изучении существующего в стране подхода к пониманию судьейского права и прецедента, однако оно необоснованно) [9].

В романо-германской системе возникновение прецедента основывается на нескольких принимаемых судебными органами решениях, являющихся аналогичными, тогда как в системе общего права прецедент возникает, уже когда высший судебный орган принимает то или иное решение. В значительном числе суды в государствах, относящихся к романо-германской семье, в сопоставлении с судами в государствах общего права гораздо чаще не учитывают собственные решения, принимавшиеся ими ранее.

В государствах континентальной правовой системы публикации судебных решений, принимаемых высшими судебными инстанциями, характеризуются определенными особенностями: в сопоставлении со сходными публикациями в странах англо-саксонской правовой системы в них существенно менее детально анализируются конкретные факты.

В романо-германской правовой семье юристы рассматривают в качестве недопустимой ситуацию, при которой воля судебных органов определяет решения, принимаемые законодателем, поскольку традиционной является ситуация, при которой воля законодателя реализуется судебными органами.

В данной правовой системе не исключается возможность имплементации в нормативно-правовые акты позиций судов, являющихся наиболее удачными (к примеру, норм коллизионного характера). При этом в доктрине данной правовой семьи обязанность законодателя придавать решениям, принятым судебными органами, статус норм закона не предусматривается. Следует отметить, что в иерархической структуре источников права общее право даже в США, вопреки принятому в стране принципу *stare decisis*, занимает нижнюю ступень. Для законодателя не предусматривается ограничений с точки зрения изменения либо отмены преце-

дентов, которые созданы на основе указанного принципа [10]. Ситуация, предполагающая возможность действия судебной нормы вопреки закону или наряду с ним, также рассматривается как недопустимая. Как правило, законодатель практикует подход, при котором выработанной судом позиции придается характер правовой нормы, сила закона. Данный подход соотносится с социологическим подходом, предполагающим, что законодательные нормы основываются на выработанных конкретными юристами применительно к конкретным юридическим конфликтам нормах, являющихся общезначимыми [11].

В государствах континентальной правовой семьи, к которой по совокупности признаков следует относить и Российскую Федерацию, судебные органы осуществляют применение норм права, но не их создание. В этой связи существует потребность в том, чтобы обосновывать принимаемые судами по спорам экономического характера решения в экономическом отношении в условиях, когда возможен выбор из различных вариантов решений на усмотрение суда (при выборе возможного вида ответственности из числа предусмотренных нормативно, при определении величины штрафа в предусмотренных рамках и др.). При этом возможность выбора между собственником по закону и собственником, являющимся эффективным, отсутствует. Аналогичной является ситуация и с иными случаями правоприменения. В то же время правоприменители имеют возможность, основываясь на процессуально- и материально-правовых принципах, принимать во внимание среди прочих обстоятельств, которые подлежат оценке при принятии актов правоприменения, и экономическую эффективность.

Присущая прецедентному праву особая роль состоит в следующем: при его анализе нельзя не отметить продолжительную рецепцию права Древнего Рима, в котором право как присущая лицу возможность участвовать в правоотношениях, получать блага увязывалась с возможностью патрициев участвовать в судебном процессе. При этом преобладающее значение писаного права над толкованием данного права, обусловленное указанной рецепцией, существенным образом повлияло на процесс развития права в странах континентальной правовой системы [12], содержание правовых доктрин, анализ которых позволяет выявить, какие идеи, ценности составляют основу восприятия прецедентного права правоприменителем на современном этапе.

По замечанию исследователей, в существующей в современных условиях в ФРГ правовой системе прецедент понимается в виде любого имеющего то или иное отношение к рассматриваемому делу судебного решения, принятого ранее. Подобное решение рассматривается в качестве являющегося в определенной мере обязательным для прочих судебных органов при рассмотрении аналогичных дел. В то же время при анализе прецедента как источника права и использовании соответствующего термина в доктринальных публикациях отсутствует определенность в отношении юридической силы, характера, природы указанной обязательности [13]. Согласно замечанию исследователей, анализирующих вопросы, связанные с судьейским правом в ФРГ, при определении сущности прецедента в данной стране [13] отнюдь не подразумевается, что суды принимают

решения с учетом того, что эти решения будут далее выступать в качестве прецедента, определять содержание дальнейших решений, принимаемых по делам, являющимся сходными.

Мы не согласны с мнением М. Хесселинка, который является сторонником судейского правотворчества в рамках романо-германской правовой семьи и считает, что «суды создают и должны создавать право» и «часто формулируют общие правила и принципы» [14]. Так, по его мнению, в большинстве европейских стран признается тот факт, что суды «имеют своей целью выступать не только в роли правоприменителя, но и творца права» [14]. Безусловно, в своей правоприменительной деятельности суды оказывают влияние на развитие правовых систем романо-германской правовой семьи. Вместе с тем исследованию здесь подлежат именно акты высших судебных инстанций, изменяющие или отменяющие решения нижестоящих судов, а также акты судебного толкования, поскольку в них содержатся потенциальные правоположения, которым может быть придан статус общеобязательности.

По справедливому мнению М.Н. Марченко, в континентальной правовой системе прецеденты не относятся к числу первичных по значимости источников [15]. В некоторых государствах, относящихся к указанной правовой системе, первичные источники, согласно существующей юридической практике, представлены нормативно-правовыми актами (*enacted law*), правовыми обычаями. В ряде случаев общие принципы права также относятся к первичным источникам права [16].

Значимость судебной практики с точки зрения развития континентальной правовой семьи является незначительной. В ряде государств в современных условиях судебный прецедент не рассматривается как источник права. В то же время, несмотря на отсутствие официального признания судебного прецедента в качестве источника права, он учитывается судами. Неприятие судебного прецедента в качестве источника права французским законодателем отражается в предусмотренной в стране норме, регламентирующей уголовную ответственность судей. Параграф первый статьи 127 действующего в стране Уголовного кодекса исключает для судей право представления в принимаемых ими решениях любых предписаний общего характера, а также устанавливает, что обязательность решений, принимаемых даже Кассационным судом, распространяется лишь на дело, применительно к которому состоялось их вынесение, и только при вторичном подтверждении [17]. Следует отметить и запрет на создание прецедентов, предусмотренный статьей 5 Гражданского кодекса Франции [18]. В то же время М. Бернал, Р. Даннер отмечают последовательность французских судов в использовании судебных прецедентов, указывают на существенность влияния судебного прецедента на развитие французской правовой системы [18].

Отличительной особенностью исследования судейского права является двойственный подход: с одной стороны, официальное отрицание судебного прецедента, с другой стороны, его официальное признание и использование. Использование принципов права при разрешении юридических споров также можно отнести к особенностям исследуемой правовой семьи. В ряде относящихся к континентальной правовой системе го-

сударств, в силу принципа *non liquet*, полноты системы права и обязанности судей разрешать с использованием имеющихся правовых норм любой конфликт, существует потребность в правовом положении, которое бы позволяло обеспечить реализацию указанных положений. Так, в Российской Федерации соответствующая норма предусмотрена в статье 6 Гражданского кодекса. Основу содержащегося в данной статье положения составляет идея о необходимости обеспечивать свободу толкования судей (очевидно, реализуемой на основе обязанности принимать решения с учетом требований, зафиксированных в Основном законе). Так, установлено, что основу определения прав и обязанностей сторон должны составлять справедливость, разумность, добросовестность, смысл и общие начала гражданского законодательства, если возможность использовать аналогию закона отсутствует.

Наличие явной концептуальности и доктринальности

В сопоставлении с системой общего права континентальная правовая семья характеризуется значительным влиянием работ ученых-юристов, выраженным и интенсивным восприятием юридических доктрин и теорий. Формирование права, его развитие в романо-германской правовой системе основывается на общих идеях и принципах. Данная система отличается от системы общего права, в которой выработка юридических норм производится судами в процессе решения конкретных правовых конфликтов. Отличие состоит в следующем: основу формирования и развития права составляют принципы, правовые доктрины, исходя из которых осуществляется как создание правовых норм, так и решение конкретных дел [19].

Право в соответствии с концепцией, существующей в ряде стран данной правовой системы, таких как Италия, ФРГ, Франция и некоторых иных, не должно выступать в качестве профессиональной сферы юристов, в качестве средства, позволяющего лишь сохранять сословие юристов и суды, которые ими обслуживаются. Если в системе общего права право воспринимается как система, включающая юридические правила, статуты, нормы, судебные решения, принципы, выработка которых происходит при правоприменении, в романо-германской правовой системе трактовка права является более широкой. Право рассматривается не как обособленное от внеправовых явлений, но находится с ними в органической связи. Восприятие права предполагает акцент на признаваемых в обществе согласно идеалам справедливости правах и обязанностях [20].

В качестве выраженной характерной черты анализируемой правовой семьи следует выделить и строгую отраслевую классификацию. В составе системы права выделяется ряд отраслей, основные из которых представлены конституционным, гражданским, уголовным, административным, гражданско- и уголовно-процессуальным правом. Отрасли дифференцированы на ряд соответствующих подотраслей и институтов. В составе конституционного права присутствуют, в частности, подотрасли, связанные с регламентацией присущих гражданам прав, свобод, институтами прямой демократии, разделением властей, статусом и полномочиями госорганов, федеральным правом, избирательным

правом. В ФРГ и Франции выделяются отрасли конституционного, административного, гражданского, финансового, международного публичного права. В ряде иных государств романо-германской правовой системы, помимо гражданского, существуют коммерческое право, торговое право, выделяются налоговое право, право социального обеспечения.

В качестве присущей романо-германской правовой семье особенности следует также отметить систематизацию законодательства. В странах указанной правовой семьи существуют отличия систематизации с точки зрения таких критериев, как юридическая сила, структуризация, объем охватываемых норм.

Систематизация законодательства во Франции осуществляется посредством кодексов. В кодексы входят в том числе иные акты, связанные с кодифицируемым нормативным материалом. В Собрании федерального законодательства, имеющемся в Швейцарии, представлены законы и акты подзаконного характера. Кроме того, в указанном Собрании имеются принятые федеральными судами общенормативные постановления. Принцип, согласно которому выстроено указанное Собрание, – предметный, что предусматривает закон 1986 года. Данный закон также определяет, что в содержание Собрания должны входить кантональные конституционные акты и международные соглашения. Систематизация содержит один раздел, связанный с международными соглашениями, и девятнадцать разделов, относящиеся к внутригосударственному законодательству.

В ФРГ определяющее значение имеет простая инкорпорация. Порядок систематизации в собрании федерального права регламентирован законом 1958 года, определяющим необходимость систематизировать содержание изданий, в которых осуществляется опубликование законов и актов подзаконного характера.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Подводя итог рассмотрению особенностей усмотрения в правовых системах, относящихся к различным правовым семьям, следует отметить, что правовое усмотрение как элемент юридической практики находит отражение в юридической практике любой правовой системы.

Важнейшими факторами, оказывающими влияние на усмотрение в процессе правотворчества и правоприменения, являются: двойственный характер судебного нормотворчества, выраженный кодифицированный характер законодательства, ведущая роль нормативного правового акта в системе источников права, наличие явной концептуальности и доктринальности.

Наибольшее внимание необходимо уделять именно правоприменительному усмотрению. Так, судебное усмотрение в праве в наибольшей степени характерно для правовых систем англосаксонской правовой семьи, административное усмотрение (усмотрение органов административной юрисдикции) – для романо-германской правовой семьи. Сложившаяся в том или ином государстве правовая система определяет общие и частные закономерности реализации усмотрения в праве.

В связи с обуславливаемой юридической силой значимостью нормативно-правового акта, а также тем фактом, что создание нормативно-правовых актов осуще-

ствляется в рамках правотворчества, следует указать на существующие тенденции, связанные с усмотрением в процессе деятельности правотворческого характера.

1. Требуется акцентировать внимание на очередности, согласно которой общественные отношения подвергаются правовому урегулированию. В любом государстве в любой момент времени существуют актуальные, наиболее насущные вопросы, в отношении которых требуется нормативная регламентация на законодательном уровне. Данные проблемы подчас многообразны. Обеспечение должного качества, необходимой оперативности законодательного разрешения соответствующих вопросов достаточно часто представляет собой весьма сложную задачу.

2. В рамках правотворчества требуется учитывать интересы, присущие различным группам, существующим в социуме, и обеспечивать баланс данных интересов, являющийся оптимальным. Данные интересы, потребности зачастую находятся в противоречии. В этой связи законодателю требуется определять интересы, присущие той или иной социальной группе, которые должны удовлетворяться в приоритетном порядке, и с учетом данных интересов принимать законодательный акт, положения которого обеспечивают осуществление или защищают соответствующие интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
2. Reinmann M. Conflict of laws in Western Europe. New York: Oxford University Press, 2013. 218 p.
3. Kindermann H. Die Rechtlinien der Gesetzestchnik. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1978. 325 p.
4. Керимов Д.А. Законодательная техника. М.: НОРМА, 2000. 125 с.
5. Alexy R. A Theory of Legal Argumentation. New York: Oxford university press, 1989. 352 p.
6. Кича М.В. Особенности судебного прецедента в англосаксонской и романо-германской правовой семье: компаративный анализ (часть 1) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6. С. 102–103.
7. Спектор Е.И. Судебный прецедент как источник права // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 86–96.
8. Белых В.С. Особенности и общие тенденции развития англосаксонской и континентальной правовых систем // Право и государство. 2016. № 2. С. 60–64.
9. Ершов В.В. Судебный прецедент толкования права? // Российское правосудие. 2013. № 9. С. 4–16.
10. Бернам У. Правовая система США. Вып. 3. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
11. Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: Универ. издат. консорциум, 2011. 704 с.
12. Богдановская И.Ю. Закон и судебный прецедент: эволюция борьбы за верховенство // Российское правосудие. 2015. № 9. С. 18–26.
13. Precedent in the Federal Republic of Germany // Interpreting Precedents. A Comparative Study. Sydney: Ashgate/Dartmouth, 1997. P. 23–25.
14. Hesslink M. The new European Private Law. Essays on the Future of Private in Europe. London: Kluwer Law International, 2002. 283 p.

15. Марченко М.Н. Источники права. М.: Велби, 2005. 759 с.
16. Rearson E. *Law for European Business Studies*. London: Pitman Publishing, 1994. 263 p.
17. Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб.: Юридический центр прес, 2004. 657 с.
18. Danner R., Bernal M. *Introduction to Foreign Legal Systems*. New York: Oceana Publications, 1994. 423 p.
19. David R. *English Law and French Law: a comparison in substance*. London: Stevens and Sons, 1980. 223 p.
20. Danomo Ch., Farran S. *The French Legal System*. London: Sweet and Maxwell, 1993. 256 p.
9. Ershov V.V. "Case authority"? "Interpretation of law case authority"? *Rossiyskoe pravosudie*, 2013, no. 9, pp. 4–16.
10. Bernam U. *Pravovaya sistema SShA* [The USA legal system]. Moscow, Novaya yustitsiya Publ., 2006. Vyp. 3, 1216 p.
11. Erlikh O. *Osnovopolozhenie sotsiologii prava* [Foundation of the sociology of law]. Sankt Petersburg, Univer. izdat. konsortsium Publ., 2011. 704 p.
12. Bogdanovskaya I.Yu. Law and case authority: evolution of struggle for supremacy. *Rossiyskoe pravosudie*, 2015, no. 9, pp. 18–26.
13. Precedent in the Federal Republic of Germany. *Interpreting Precedents. A Comparative Study*. Sydney, Ashgate/Dartmouth Publ., 1997, pp. 23–25.
14. Hesselink M. *The new European Private Law. Essays on the Future of Private in Europe*. London, Kluwer Law International Publ., 2002. 283 p.
15. Marchenko M.N. *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow, Velbi Publ., 2005. 759 p.
16. Rearson E. *Law for European Business Studies*. London, Pitman Publ., 1994. 263 p.
17. Shargorodskiy M.D. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr press Publ., 2004. 657 p.
18. Danner R., Bernal M. *Introduction to Foreign Legal Systems*. New York, Oceana Publ., 1994. 423 p.
19. David R. *English Law and French Law: a comparison in substance*. London, Stevens and Sons Publ., 1980. 223 p.
20. Danomo Ch., Farran S. *The French Legal System*. London, Sweet and Maxwell Publ., 1993. 256 p.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Law and legal system. *Pravovedenie*, 1980, no. 1, pp. 27–34.
2. Reinmann M. *Conflict of laws in Western Europe*. New York, Oxford University Press Publ., 2013. 218 p.
3. Kindermann H. *Die Rechtlinien der Gesetzestchnik*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung Publ., 1978. 325 p.
4. Kerimov D.A. *Zakonodatel'naya tekhnika* [Legislative technique]. Moscow, NORMA Publ., 2000. 125 p.
5. Alexy R. *A Theory of Legal Argumentation*. New York, Oxford university press Publ., 1989. 352 p.
6. Kicha M.V. Features of the judicial precedent in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal family: comparative analysis (part 1). *Eurasian legal journal*, 2020, no. 6, p. 102–103.
7. Spektor E.I. Judicial precedent as a source of law. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2003, no. 5, pp. 86–96.
8. Belykh V.S. Specific features and general trends in the development of Anglo-Saxon and civil law systems. *Pravo i gosudarstvo*, 2016, no. 2, pp. 60–64.

FEATURES OF DISCRETION IN LEGAL PRACTICE OF THE STATES OF THE ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY

© 2020

Yu.V. Onosov, PhD (Law), assistant professor of Chair of Theory of State and Law
Ural State Law University, Yekaterinburg (Russia)

Keywords: discretion in law; Romano-Germanic legal family; legal sources; judicial precedent; judicial discretion; normative legal act; characteristics of the Romano-Germanic legal family.

Abstract: The paper discusses general regularities affecting the discretion in law enforcement and law-making practice in the countries of the Romano-Germanic legal family. Factor analysis provides a detailed description of the most important laws related to the exercise of discretion in the law enforcement and law-making practice of the states of the specified legal family. In particular, the author draws attention to the dual nature of judicial rulemaking, the pronounced codified nature of legislation, the leading role of a normative legal act in the system of law sources, the presence of explicit conceptuality and doctrinality, and other essential factors. In comparison with the system of common law, the continental legal family is characterized by the significant influence of the works of legal scholars and the expressed and intense perception of legal doctrines and theories. The author notes that the array of acts of interpretation significantly influences the uniformity of judicial practice in the continental legal system since this is a way to give flexibility to the legal regulation of public relations. Besides, the codifiers use a large number of scientifically based general provisions to formulate prescriptions, which are the main focus. The paper considers the fact that in the Romano-Germanic legal family, the lawyers regard as unacceptable the situation when the will of the judicial authorities determines the decisions made by the legislator since a traditional one is a situation when the judicial authorities implement the will of the legislator. The author concludes that the rule of law is a consistent principle of the continental legal system. The paper states that scientific development should pay particular emphasis to the problems of law enforcement discretion. Thus, judicial discretion in law is most typical for the legal systems of the Anglo-Saxon legal family, and administrative discretion (the discretion of administrative jurisdiction) – for the Romano-Germanic legal family. The legal system developed in a particular state determines the general and specific regularities of exercising discretion in law practice.

ПРАВОВЫЕ РИСКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

© 2020

Н.А. Развейкина, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой социальных систем и права

Е.О. Паулова, старший преподаватель кафедры социальных систем и права

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: правовой риск; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; классификация рисков; позитивный риск; негативный риск; процессуальный риск; пандемия COVID-19.

Аннотация: Одним из глобальных вызовов 2020 года стало распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19), что оказалось сильнейшим стрессовым фактором для всех областей общественных отношений. Пандемия способствовала росту числа рисков, часть из которых нанесла явный вред многим социальным институтам и системам, но некоторые стали стимулом для вынужденного быстрого развития этих социальных институтов и систем. Работа посвящена исследованию рисков в сфере уголовного судопроизводства в целях выявления типичных правовых рисков и идентификации новых, вызванных периодом пандемии. Определены существующие правовые риски в сфере уголовного судопроизводства, названы факторы, вызывающие дополнительные правовые риски в период пандемии, и правовые последствия таких рисков. В исследовании авторы придерживаются общетеоретической концепции риска как правового явления, способного порождать благоприятные и неблагоприятные правовые последствия. Авторы соглашались с признанием рискованного характера уголовно-процессуальной деятельности и права на риск как ресурса, необходимого для осуществления уголовно-процессуальных функций. В обобщенном виде риски в уголовном судопроизводстве можно отнести к процессуальным рискам и выделить среди них типичные: риск принятия процессуального решения, риск осуществления функции защитника, профессиональный риск в деятельности следователя, коррупционный риск. Специфические риски периода пандемии предлагается классифицировать в зависимости от порождаемых последствий на негативные и позитивные. Названы некоторые наиболее очевидные риски уголовного судопроизводства, возникшие в условиях распространения новой коронавирусной инфекции.

ВВЕДЕНИЕ

Правовой риск является одним из основных структурных элементов правового поля. Риски взаимосвязаны со всеми элементами правовой системы и зависят от различных юридических фактов. Общая теория права изучает рискогенность правового сознания, правовой культуры, частного и публичного права, предпринимая попытку поиска возможностей правового регулирования, правового воздействия и управления этим сложнейшим явлением современного мироустройства [1; 2]. В то же время в отдельных работах содержится критика теории риска с указанием на ошибочное смешение теории риска с теорией эффективности правовых норм [3].

Вместе с тем отраслевые сферы юридического научного знания активно используют понятие риска, указывая на него, как на неперенный атрибут правовых отношений. Исследования правовых рисков встречаем в уголовном [4], гражданском [5], экологическом [6], конституционном праве [7]. Отдельные работы процессуалистов указывают на наличие коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве и рисков принятия процессуальных решений. Однако, на наш взгляд, вопросы правовых рисков требуют отдельного внимания и изучения сквозь призму феномена COVID-19.

Невозможно представить такую область повседневной жизни, которая не была бы связана с риском, и в этом проявляется его универсальность. К этой категории, бесспорно, можно отнести распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) с конца 2019 года, которое оказало значительное влияние на многие жизненные сферы, в том числе и на сферу судопроизводства. Режим самоизоляции и дальнейший переход

на дистанционный режим работы обнажили как положительные, побуждающие цифровой прогресс судов, так и отрицательные, усложняющие и парализующие судебный процесс, правовые риски, которые отразились на скорости и качестве отправления правосудия.

Исследование основывалось на гипотезе о том, что в действительности правовой риск может порождать как неблагоприятные, так и благоприятные юридические факты.

Кроме того, авторы соглашались с тем, что уголовное судопроизводство по своей сути является рискованным. Это мысль основана на общетеоретической концепции риска, которая тесно связана с потребностями, интересами и ценностями субъектов, обусловленными объективной реальностью. Иными словами, в парадигме уголовного процесса каждый участник, вовлеченный в уголовно-процессуальную процедуру, неизбежно сталкивается с разного рода рисками.

Цель исследования – выявление типичных правовых рисков в уголовном судопроизводстве и обнаружение новых, вызванных пандемией.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования был использован междисциплинарный подход, состоящий в переносе общетеоретической концепции риска в сферу теории и практики уголовного процесса. В свою очередь, общеправовая концепция правовых рисков зиждется на общеправовом философском дискурсе, лежащем в основе методологии междисциплинарности. Такие методы исследования дают возможность прогнозировать тенденции изучаемого правового явления в уголовно-процессуальной практике.

Описываемое в статье исследование проходило в несколько этапов:

1) идентификация типичных правовых рисков в системе уголовного судопроизводства;

2) определение факторов, вызывающих правовые риски в уголовном судопроизводстве в период пандемии COVID-19;

3) описание последствий правовых рисков в уголовном судопроизводстве в период новой коронавирусной инфекции.

На каждом из этапов анализировалась научная литература по теме исследования, научные идеи сопоставлялись с российским уголовно-процессуальным законом, для проверки тезисов анализировалась юридическая практика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Типичные риски уголовного судопроизводства

Нельзя не согласиться с утверждением, что «риск есть не просто идея, риск есть идеология нашего мира, во всяком случае, той его части, что именуется Живым (биосферой)» [8, с. 583]. В первом смысловом значении риск – это вероятность наступления неблагоприятных последствий, возможность опасности. Такое понимание является неполным, поскольку в жизни риск может вызывать наступление как негативных, так и позитивных последствий. Это коррелирует со вторым смысловым значением слова «риск» – действие наудачу в надежде на счастливый исход. Подчеркнем, что риск не несет в себе исключительно негативную окраску, что зачастую не принимается во внимание исследователями. Этот тезис подтверждается упоминанием риска как правовой категории в уголовном законодательстве. Так, в ч. 1 и 2 ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) фигурируют понятия обоснованного и необоснованного риска, хотя практика применения ст. 41 фактически отсутствует.

В подтверждение рискованного характера уголовного судопроизводства приведем тезис Н.А. Колоколова: «Риск в уголовном процессе – это присущее социальной природе человека средство, а равно – необходимое условие разрешения социальных конфликтов» [9, с. 49]. В своих рассуждениях профессор приходит к обоснованному выводу о том, что риск в уголовном судопроизводстве – не более чем разновидность процессуальной деятельности, все формы риска ограничены действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) (далее – УПК РФ), а право на риск – это ресурс, необходимый сторонам для осуществления уголовно-процессуальных функций.

Так, среди постоянных рисков уголовного судопроизводства (без привязки к периоду пандемии) можно назвать риск принятия процессуального решения: он имеет место тогда, когда итог или результат рискованных действий преобразуется в судебное решение. Для судьи – это риски неявки участников, затягивания процесса, фальсификации доказательств, их ошибочной оценки, неверной квалификации, процедурных нарушений, в конечном итоге судебной ошибки и отмены приговора.

Другой разновидностью риска в уголовном судопроизводстве выступает риск в деятельности защитника. Формула такого риска: он прямо пропорционален конфликтности и сложности рассматриваемого дела. Чем серьезнее конфронтация в процессе собирания и формирования доказательств, тем выше риск не оправдать ожидания подзащитного [10]. Отсутствие единого понимания роли и степени участия защитника в собирании доказательств прямо влияет на степень риска при выборе тактики, стратегии и позиции защиты.

Еще один вид правового риска в системе уголовного судопроизводства – это профессиональный риск в деятельности следователя. Данный риск связан с дефектным поведением сотрудников правоохранительных органов, который может перерасти в коррупционный риск в системе уголовного судопроизводства. По мнению А.Ю. Афанасьева, коррупционный риск – это «вероятность наступления коррупционно-опасных последствий при применении уголовно-процессуальных норм, регламентирующих собирание, проверку и оценку доказательств по уголовному делу» [11, с. 139].

В одном из прошлых авторских исследований [12] была сформулирована классификация рисков, возникших в период пандемии: в зависимости от порождаемых последствий выделены негативные и позитивные риски. Данная классификация базируется прежде всего на повсеместной цифровизации процессов и сфер, в том числе уголовного судопроизводства, и применяется в исследовании специфических рисков уголовного судопроизводства в период пандемии.

Специфические риски в период пандемии

В работе [12] пандемия COVID-19 определена как особый фактор, проявляющий специфические риски, среди которых названы следующие: риск несоблюдения процессуальных сроков, риск приостановления уголовного дела следователем по ст. 208 УПК РФ, риск ограничения права на доступ к правосудию, риск технической неготовности судебной системы.

1. Риск несоблюдения сроков рассмотрения уголовных дел судами¹. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», функционирование судов и системы Судебного департамента обеспечивалось определенной минимально возможной численностью судей, работников судов и системы Судебного департамента до 11 мая 2020 года включительно. Это привело к необходимости неоднократного отложения и переноса судебных заседаний, а в итоге – к увеличению срока судебного разбирательства. Данный риск следует признать негативным.

2. Риск приостановления уголовного дела следователем по ст. 208 УПК РФ в связи с временным тяжелым

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

заболеванием подозреваемого или обвиняемого [13]. Данный правовой риск влечет затягивание уголовного процесса вследствие не только реального заболевания, например, новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), но и фальсификации теста на COVID-19, а также получения ложноотрицательного результата теста. Этот риск относится к категории негативных.

3. Риск ограничения права на доступ к правосудию. Он связан с требованием Верховного суда РФ от 19 марта 2020 года ограничивать доступ в суды тех, кто не является непосредственным участником судебного заседания. Очевидно, что требование было связано с режимом повышенной готовности и минимизацией риска распространения COVID-19. Данные меры принимались судебной властью не только на территории России, но и за рубежом. Вместе с тем нельзя отрицать, что данные меры существенно ограничили право граждан на доступ к правосудию и принцип гласности судопроизводства [14]. Данный риск влечет негативные для уголовного судопроизводства последствия.

4. Риск технической неготовности системы уголовного судопроизводства к условиям пандемии. Так, с одной стороны, переход на дистанционный режим работы потребовал от судов быстрого внедрения и использования информационных технологий при осуществлении правосудия. И в этом смысле данный риск следует признать позитивным. С другой стороны, ограничение доступа в суды, временное сокращение численности судей и работников судов на период пандемии существенно усложнили или даже приостановили осуществление уголовного судопроизводства. Это негативное проявление риска. Даже в условиях проведения онлайн-заседаний суда оставались неразрешимыми вопросы о возможности доверительной коммуникации адвоката и его подзащитного, идентификации участников процесса, организации и проведения заседаний с участием присяжных заседателей. К тому же, по отзывам профессиональных участников процесса, судьи часто отказывали в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании с использованием системы видеоконференцсвязи [15], несмотря на то, что обеспечение всех судов возможностями видеоконференцсвязи предусмотрено в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (с изменениями на 21 мая 2020 г.). Кроме того, нельзя замалчивать недостаточную техническую оснащенность судов, перебои в работе сети Интернет, низкий уровень качества изображения и звука, что приводит к прерыванию трансляций, а также недостаточный уровень владения навыками работы с информационно-коммуникационными технологиями у судейского корпуса [16], что снижает эффективность и качество правосудия, поскольку значительное время уходит на тестирование и освоение новых ресурсов [17]. В то же время требование владеть навыками работы с цифровыми платформами, уметь быстро и профессионально ориентироваться в информационных технологиях в целях обеспечения эффективности судопроизводства в условиях пандемии относится не только к судьям, но в равной степени распространяется и на прокуроров, и на адвокатов.

Согласно разрабатываемому проекту суперсервиса «Правосудие онлайн», к 2022 году планируется обеспечить возможность удаленного участия в судебном разбирательстве для гражданского, административного и арбитражного видов судопроизводства. Поставлена цель наладить аутентификацию участника процесса по его биометрическим данным [18]. К сожалению, данный проект не коснется уголовного процесса, хотя есть основания полагать, что внедрение данного сервиса в систему уголовного судопроизводства могло бы стать существенным драйвером в повышении его эффективности. Одновременно с этим обостряются проблемы киберпреступности (хакерских атак), информационной безопасности хранения, обработки, передачи информации и обмена ею, защиты доступа к персональным данным и конфиденциальной информации [19; 20].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сделать вывод, что к категории процессуальных рисков относятся типичные риски уголовного судопроизводства (риск принятия процессуального решения, риск в деятельности защитника, риск в деятельности следователя, коррупционный риск). Определены и классифицированы по порождаемым последствиям на позитивные и негативные специфические риски уголовного судопроизводства в период пандемии: риск несоблюдения сроков рассмотрения уголовных дел судами, риск приостановления уголовного дела следователем по ст. 208 УПК РФ, риск ограничения права на доступ к правосудию, риск технической неготовности судов к условиям пандемии.

Следует признать, что в исследовании учтены не все возможные риски уголовного судопроизводства, как типичные, так и проявившиеся в условиях COVID-19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степаненко Р.Ф. Правовые риски как предмет исследования общей теории права: проблемы и перспективы методологии междисциплинарности // Государство и право. 2018. № 6. С. 13–22.
2. Риск в сфере публичного и частного права / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: ОТ и ДО, 2014. 310 с.
3. Власенко Н.А. Риск как правовое понятие и как метафора // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 136–141.
4. Павлов В.И., Савенок А.Л. Риск в праве как теоретико-правовой и антрополого-правовой феномен (на примере уголовно-правового понятия риска) // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 275–282.
5. Панченко А.А. Взгляд на природу рисков в гражданском праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4. С. 98–101.
6. Галанов А.С. Категория «риск» в экологическом праве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 452–454.
7. Масловская Т.С. Риски в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 17–26.
8. Поляков М.П. Идея риска в уголовном процессе: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 582–585.

9. Колоколов Н.А. Риск в принятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 47–58.
10. Баев М.О. Риск в деятельности защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 212–219.
11. Афанасьев А.Ю. О коррупционном риске в нормах доказательственного права уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2. С. 136–140.
12. Паулова Е.О. Риски в праве в период пандемии // Юридический мир. 2020. № 7. С. 23–26.
13. Качалова О.В. Уголовно-процессуальные проблемы информатизации современного уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 93–100.
14. Нудель С.Л. К вопросу о содержании уголовно-правовых рисков // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 56–61.
15. Диденко Н.С., Федосеева Е.Л. Отдельные вопросы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юристы-Правоведь. 2020. № 3. С. 95–97.
16. Воронкова Е.О. Интуиция и искусственный интеллект в современной правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая наука. 2020. № 7. С. 37–41.
17. Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 3. С. 61–85.
18. Мирошниченко О.И., Филоненко Т.В. Цифровые технологии как фактор снижения коррупционных проявлений в судебной системе // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 2. С. 136–143.
19. Stückelberger Ch. Post-corona world: balancing international cooperation and national sovereignty // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2. С. 10–17.
20. Мартыненко Н.Э. Влияние COVID-19 на изменение уголовного закона и состояние преступности // Российский следователь. 2020. № 9. С. 37–40.
4. Pavlov V.I., Savenok A.L. Risk in law as a theoretical-legal and anthropological-legal phenomenon (on the example of the criminal-legal concept of risk). *Yuridicheskaya tekhnika*, 2019, no. 13, pp. 275–282.
5. Panchenko A.A. View on the nature of risks in civil law. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2020, no. 4, pp. 98–101.
6. Galanov A.S. Category “risk” in environmental law. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2019, no. 13, pp. 452–454.
7. Maslovskaya T.S. Risks in constitutional law. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, no. 12, pp. 17–26.
8. Polyakov M.P. The Idea of risk in criminal proceedings: past, present, future. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2019, no. 13, pp. 582–585.
9. Kolokolov N.A. Risk in making a procedural decision in criminal proceedings. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2019, no. 13, pp. 47–58.
10. Baev M.O. Risk in the lawyer-defender’s activities in criminal proceedings. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2019, no. 4, pp. 212–219.
11. Afanasev A.Yu. About corruption risk in the norms of the law of evidence of criminal procedure. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 2, pp. 136–140.
12. Paulova E.O. Legal risks in the period of the pandemic. *Yuridicheskii mir*, 2020, no. 7, pp. 23–26.
13. Kachalova O.V. Criminal procedure problems of informatization of modern criminal proceedings. *Rossiyskoe pravosudie*, 2019, no. 2, pp. 93–100.
14. Nudel S.L. To the question of the content of the criminal law risks. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2020, no. 1, pp. 56–61.
15. Didenko N.S., Fedoseeva E.L. Selected issues of application of video conferencing in criminal court proceedings. *Yurist-Pravoved*, 2020, no. 3, pp. 95–97.
16. Voronkova E.O. Intuition and artificial intelligence in modern lawmaking and law enforcement. *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 7, pp. 37–41.
17. Morkhat P.M. The use of artificial intelligence in the judicial proceedings. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 61–85.
18. Miroshnichenko O.I., Filonenko T.V. Digital technologies as a factor in reducing corruption in the judicial system. *Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 136–143.
19. Stückelberger Ch. Post-corona world: balancing international cooperation and national sovereignty. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 10–17.
20. Martynenko N.E. The influence of covid-19 on the change in criminal law and the state of crime. *Rossiyskiy sledovatel*, 2020, no. 9, pp. 37–40.

REFERENCES

1. Stepanenko R.F. Legal risks as a subject of study general theory of law: problems and prospects of the methodology of interdisciplinarity. *Gosudarstvo i pravo*, 2018, no. 6, pp. 13–22.
2. Tikhomirov Yu.A., ed. *Risk v sfere publichnogo i chastnogo prava* [Risk in the sphere of public and private law]. Moscow, OT i DO Publ., 2014. 310 p.
3. Vlasenko N.A. Risk as a legal concept and as a metaphor. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2019, no. 13, pp. 136–141.

LEGAL RISKS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE PANDEMIC PERIOD

© 2020

N.A. Razveykina, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair of Social Systems and Law
E.O. Paulova, senior lecturer of Chair of Social Systems and Law
Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: legal risk; criminal procedure; criminal proceedings; risks classification; positive risk; negative risk; procedural risk; COVID-19 pandemic.

Abstract: One of the global challenges of 2020 was the spread of the new coronavirus infection (COVID-19), which turned out to be the most severe stressful factor for all spheres of public relations. The pandemic contributed to an increase in the number of risks, some of which caused evident harm to many social institutions and systems, and some risks were an incentive for their forced rapid development. The paper studies the risks in the field of criminal justice to recognize typical legal risks and identify new ones caused by the pandemic period. The study identified the existing legal risks in the sphere of criminal proceedings, found out the factors causing additional legal risks during a pandemic, and the legal consequences of such risks. In the study, the authors adhere to the general theoretical concept of risk as a legal phenomenon capable of generating favorable and unfavorable legal consequences. The authors agree with the recognition of the risky nature of the criminal procedure and the right to risk as a resource necessary for the implementation of criminal procedural functions. In the aggregate, it is possible to refer risks in criminal procedure to the procedural risks and to distinguish typical ones among them: the risk of making procedural decisions, risk of performing the defender's function, professional risk in the investigator's activity, and the corruption risk. The authors propose to classify specific risks of the pandemic period depending on the resulting consequences, into negative and positive ones. The paper lists some of the most obvious risks of criminal proceedings that have arisen in the context of the spread of the new coronavirus infection.

**ФАКТОРЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

© 2020

Л.В. Стародубова, старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»*Л.А. Инганнаморте*, студент магистратуры*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: правосудие; принципы правосудия; принцип доступности правосудия; факторы доступности правосудия; классификация факторов доступности правосудия; определение факторов доступности правосудия.

Аннотация: В статье рассматриваются факторы, оказывающие существенное влияние на реализацию принципа доступности правосудия, разрабатываются определение таких факторов и их классификация. Принцип доступности правосудия выступает одним из важнейших процессуальных принципов, гарантирующих исполнение целей и задач, поставленных перед правосудием, что обуславливает необходимость четкого и ясного понимания как внутреннего содержания данного принципа, так и явлений, тесно с ним связанных. Факторы доступности правосудия как одна из научных категорий практически не изучены в литературе – ряд авторов используют данный термин (а некоторые и предлагают свою классификацию), но факторы рассматриваются чрезвычайно поверхностно, как вынужденное дополнение к основной теме исследований; ни один из авторов не оказывает факторам доступности правосудия должного внимания, которого они заслуживают в силу значимости их понимания для реализации названного процессуального принципа. Настоящее исследование имеет и практическую значимость: закрепление принципа доступности правосудия в отраслевых процессуальных кодексах (которое, несомненно, однажды должно произойти) необходимо сопроводить подробным описанием того, как принцип должен быть реализован на практике и что необходимо учитывать для оценки деятельности судебной системы в контексте соблюдения данного принципа. Простое утверждение о том, что правосудие должно быть доступным, есть не что иное, как декларативная норма (которая, кстати, уже имеется в основном законе страны), поэтому требуется нормативное описание фактов и обстоятельств, наличие или отсутствие которых должно говорить о том, действительно ли доступно правосудие в настоящий момент времени.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы реализации принципа доступности правосудия сегодня составляют немалую долю обсуждений и исследований в правовой науке, поскольку доступность правосудия есть не что иное, как критерий объективности и адекватности процессуального законодательства и его практического правоприменения, что характеризует судебную систему в целом [1], а также, как прямо указывает Европейский суд по правам человека в одном из своих постановлений, через свою реализацию является важнейшей гарантией исполнения целей и задач правосудия¹.

Многие авторы, проводя исследования в сфере доступности правосудия, часто используют термин «фактор доступности правосудия» в своих работах. Один автор пишет о наличии процессуальных факторов, оказывающих негативное влияние на реализацию принципа доступности правосудия [1]. Другой называет институт бесплатной юридической помощи фактором доступности правосудия [2]. Третьи ставят реализацию рассматриваемого принципа в прямую зависимость от факторов, влияющих на тот или иной аспект доступности [3]. При этом ни в указанных работах, ни в любых иных, освещающих проблематику доступности правосудия, авторы не раскрывают сущность понятия «фактор доступности правосудия» и не дают ему определе-

ние, а лишь упоминают его «вскользь» для того, чтобы обозначить им те или иные факты и обстоятельства, что могут создать преграды для реализации права на доступ к суду для граждан и организаций – «связывают доступность правосудия с целым рядом факторов как объективного, так и субъективного характера»; «доступность правосудия в российском обществе обусловлена рядом факторов как объективного, так и субъективного характера» [4, с. 79; 5, с. 189].

Думается, подобная ситуация неприемлема, поскольку правовая наука должна состоять из четко определенных категорий, используемых в исследованиях, с пониманием их сущности, определения, места и значения для науки. Отсутствие всестороннего понимания теоретической категории факторов доступности правосудия может привести к неблагоприятным последствиям в виде дифферентного толкования данного термина и, в худшем случае, дифферентного правоприменения норм в сфере обеспечения доступного правосудия в Российской Федерации [6].

Необходимость нашей работы по осмыслению термина «фактор доступности правосудия», равно как и необходимый результат такой работы, обуславливается тем, что термин появляется тогда, когда он необходим для обозначения «специальных реалий» в целях обеспечения единообразного понимания таких реалий в профессиональном сообществе [7].

Что касается классификации факторов доступности правосудия, то, в отличие от определения, она рассматривалась в ряде исследований на тему доступности правосудия. Однако у предложенных авторами классификаций факторов есть один существенный дефект – их неполнота.

¹ *Постановление Европейского суда по правам человека от 21.02.1975 по делу «Голдер (Golder) против Соединённого королевства», серия «А», No 18, § 45 // Гарант.ру: информационно-правовой портал.*
URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461468/>.

И.А. Приходько предложил классифицировать факторы доступности правосудия по объему процессуальных средств и возможностей на: «факторы, связанные с процессуальной недостаточностью» и «факторы, связанные с процессуальной избыточностью». Для понимания предложенной классификации им даны следующие определения используемым терминам: «правовая недостаточность может быть определена как правовое явление, характеризующееся дефицитом имеющихся процессуальных средств в преодолении препятствий к получению эффективной судебной защиты права. Процессуальная избыточность, напротив, характеризуется излишествами в процессуальном законодательстве, которые при определенных условиях становятся препятствием к получению искомой защиты или осложняют ее» [1, с. 19]. Несомненно, подобная классификация имеет место быть, однако она не затрагивает факторы, не связанные с процессуальными аспектами реализации принципа доступности правосудия.

При этом помимо ранее названной в том же исследовании рассматривалась еще одна классификация факторов, которая выглядит следующим образом: «исторические традиции», «политические факторы», «социально-экономические факторы», «правовые факторы» [1]. Но и эта классификация, несмотря на то, что она захватывает существенный спектр факторов доступности правосудия, не является полной, поскольку, например, невозможно отнести к одной из названных категорий фактор территориальной доступности.

Н.А. Фролова и И.М. Псарёв предложили классифицировать факторы доступности правосудия на объективные и субъективные, не раскрывая через определение сущности факторов, относящихся к названным категориям, но приводя ряд примеров: «объективные факторы (изменение экономических условий и усложнение организации судебной деятельности, удорожание юридических услуг, недостаток общественных организаций, призванных оказывать правовую защиту разных слоев населения)»; «субъективные факторы (профессиональная компетентность, структура мотивации деятельности, нравственные и духовные качества, система ценностей сотрудников судебных органов)» [5, с. 187]. Мы считаем, что подобная дифференциация оправдана и соответствует действительности, однако требует существенного расширения с дальнейшей дифференциацией факторов, относящихся к названным категориям.

В одной из работ приведен ряд требований к научной классификации в рамках исследовательской работы: «чистота деления», «полнота охвата», «логическая строгость структурного деления», «аппроксимация к максимально возможно достижимой точности терминологической маркировки основания классификации и классифицируемых (формулируемых в ходе и в результате классификации) элементов и их групп», «релевантность собственно самой классификации» [8, с. 255]. Очевидно, что ранее представленные классификации факторов доступности правосудия не отвечают как минимум одному требованию – полноте охвата. А это, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки всеобъемлющей классификации таких факторов.

Цель исследования – разработка определения факторов доступности правосудия, а также их классифи-

кации, проистекающей из сущностного наполнения принципа доступности правосудия и качественных особенностей возможных преград для получения судебной защиты лицами, заинтересованными в правосудии.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

При разработке определения термина «фактор доступности правосудия» учитывались и анализировались как семантическое наполнение слово «фактор», изложенное в работах учёных-лингвистов, так и практика применения данного термина в литературе. Помимо прочего, и не в последнюю очередь, принимались во внимание и характеристики того явления, которое необходимо было отразить в рамках определения. По результатам проведённого анализа предложено словесное определение, раскрывающее сущность явления, заключённого в термине «фактор доступности правосудия». В ходе второй части исследования, посвящённой разработке основной классификации факторов доступности правосудия по основанию форм их внешнего выражения, анализировались работы авторов, посвящённые изучению того или иного аспекта доступности правосудия, а также судебная практика, в рамках которой суды при принятии решения опирались на принцип доступности правосудия и надлежащие пути его реализации. Также большое значение имел эмпирический опыт работы с судебной системой, на базе которого и строились выводы в рамках данной части исследования. Анализ и систематизация информации, изложенной во множестве работ иных авторов, позволили разработать цельную классификацию факторов доступности правосудия по основанию форм их внешнего выражения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Определение факторов доступности правосудия

В первую очередь, как мы считаем, необходимо определить теоретическое наполнение термина «фактор доступности правосудия» для понимания сути описываемых данным термином явлений.

Используя работы авторов-лингвистов, можно определить семантическую характеристику слова «фактор» как «существенное обстоятельство, способствующее какому-либо процессу, явлению»²; «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении»³.

Таким образом, понятие «фактор доступности правосудия» можно раскрыть как «существенное обстоятельство, способствующее практической реализации принципа доступности правосудия». Однако зачастую термин «фактор доступности правосудия» используется в правовой литературе в негативном ключе: им описываются обстоятельства, ухудшающие степень качественной реализации принципа доступности правосудия

² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

³ Фактор // Толковый словарь Ожегова.
URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33656>.

[9–11], что не позволяет, учитывая сложившуюся практику, использовать ранее предложенное нами определение, поскольку слово «способствующее» имеет позитивную семантику.

С учетом всего ранее сказанного, определение факторов доступности правосудия должно, по нашему мнению, звучать следующим образом: «существенные обстоятельства, оказывающие влияние на практическую реализацию принципа доступности правосудия». Как нам представляется, данное определение точно и недвусмысленно описывает сущностное наполнение термина.

Классификация факторов доступности правосудия

Первая и ключевая классификация факторов доступности правосудия проистекает из формы их внешнего выражения. Основанием для классификации в данном случае выступают качественные характеристики формы внешнего выражения. Как нам представляется, первым уровнем классификации факторов по этому основанию является их дифференциация на субъективные и объективные факторы доступности правосудия.

Объективные факторы в нашем понимании – это обстоятельства объективного характера внешней действительности, выраженные в конкретных фактах и явлениях, оказывающих непосредственное влияние на степень качественной реализации принципа доступности правосудия. Объективные факторы, в свою очередь, как мы считаем, делятся на правовые, физические, информационные, политические и экономические по сфере их происхождения и влияния.

Правовые факторы требуют своей классификации на институциональные (характеризующие особенности институционального устройства судебной системы в контексте доступности правосудия), организационные (проистекающие из особенностей организации деятельности судебных органов) и процессуальные (связанные непосредственно с ходом судебного процесса). Что касается процессуальных факторов, то здесь можно применить классификацию, упомянутую ранее в тексте статьи и предложенную И.А. Приходько [1].

Факторы физической доступности обуславливают аспекты территориальной доступности судов и присутственных мест, вопросы доступности правосудия для граждан с ограниченными возможностями и иные факторы, имеющие своей основой физическую составляющую доступности [5]. Здесь же имеет смысл рассматривать вопросы загруженности судебных органов, поскольку данный фактор проистекает из физической невозможности судов рассмотреть и разрешить имеющееся количество дел в надлежащие сроки [12].

Информационная доступность раскрывается в наличии доступа к информации о деятельности судебных органов, уровня цифровизации судопроизводства, доступности информации о судебной практике [13; 14]. Каждое из названных обстоятельств зависит от ряда иных явлений и процессов, что обуславливает выделение их в самостоятельные группы факторов.

Политические факторы характеризуются влиянием иных ветвей государственной власти на деятельность и, как следствие, принимаемые решения судебных органов. Очевиден тот факт, что в данных случаях лица,

участвующие в судебном процессе, лишаются доступа к справедливому и беспристрастному суду, что обуславливает факт существования политических факторов доступности правосудия. Факты влияния на суд с целью принять то или иное решение, продиктованное политической необходимостью, неоднократно становились предметом обсуждения в Европейском суде по правам человека с указанием на недопустимость таких действий, противоречащих в том числе и принципу доступности правосудия⁴. Помимо сказанного, к политическим факторам можно отнести факторы, влияющие на наличие/отсутствие гражданского общества и его институтов, одной из задач которых выступает общественный контроль за деятельностью судебных органов, обоснованностью и справедливостью выносимых судом решений [15].

Экономические факторы подразделяются на факторы финансирования судебной системы, что влияет на наличие у нее ресурсов, а также факторы финансовой доступности правосудия для лиц, заинтересованных в судебной защите. Такие факторы подробно рассмотрены в ряде работ, посвященных проблемам доступности правосудия, что характеризует их важность и ключевое значение для реализации принципа доступности правосудия [16; 17].

Субъективные факторы – это обстоятельства внутреннего характера, выраженные во взглядах, убеждениях и мнениях как лиц, заинтересованных в правосудии, так и лиц, имеющих непосредственное отношение к его отправлению. Субъективные факторы также имеют свою дифференциацию по основанию принадлежности лиц, их продуцирующих, к судебной системе – на факторы лиц, отправляющих правосудие, и факторы лиц, заинтересованных в правосудии. К первой группе факторов можно отнести, как было указано ранее, факторы уровня профессиональной компетенции, мотивации и морально-нравственных качеств работников судебной системы [5]. Ко второй группе надлежит причислять факторы доверия граждан к судебной системе и вопросы восприятия суда как эффективного инструмента защиты прав, свобод и законных интересов в рамках правового поля (наличие проявлений правового нигилизма) [18–20].

Таким образом, нами представлена наиболее полная классификация факторов доступности правосудия, охватывающая все факты и обстоятельства, оказывающие существенное влияние на реализацию принципа доступности правосудия (рис. 1).

Несомненно, можно предложить и иные классификации факторов доступности правосудия. Например, по основанию их происхождения – на самостоятельные и второстепенные: фактор загруженности судов является комплексным и представляет собой следствие воздействия факторов финансирования судебной системы и факторов ее институционального устройства. Можно сказать, что и субъективные факторы лиц, отправляющих правосудие, оказывают некоторое влияние на загруженность судов – наличие достаточной мотивации,

⁴ *Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation: decision of Permanent Court of Arbitration of Hague from 18 July 2014 // Permanent Court of Arbitration : official site. Hague. Updated during the day. URL: <https://pca-cpa.org/ru/cases/61/>*

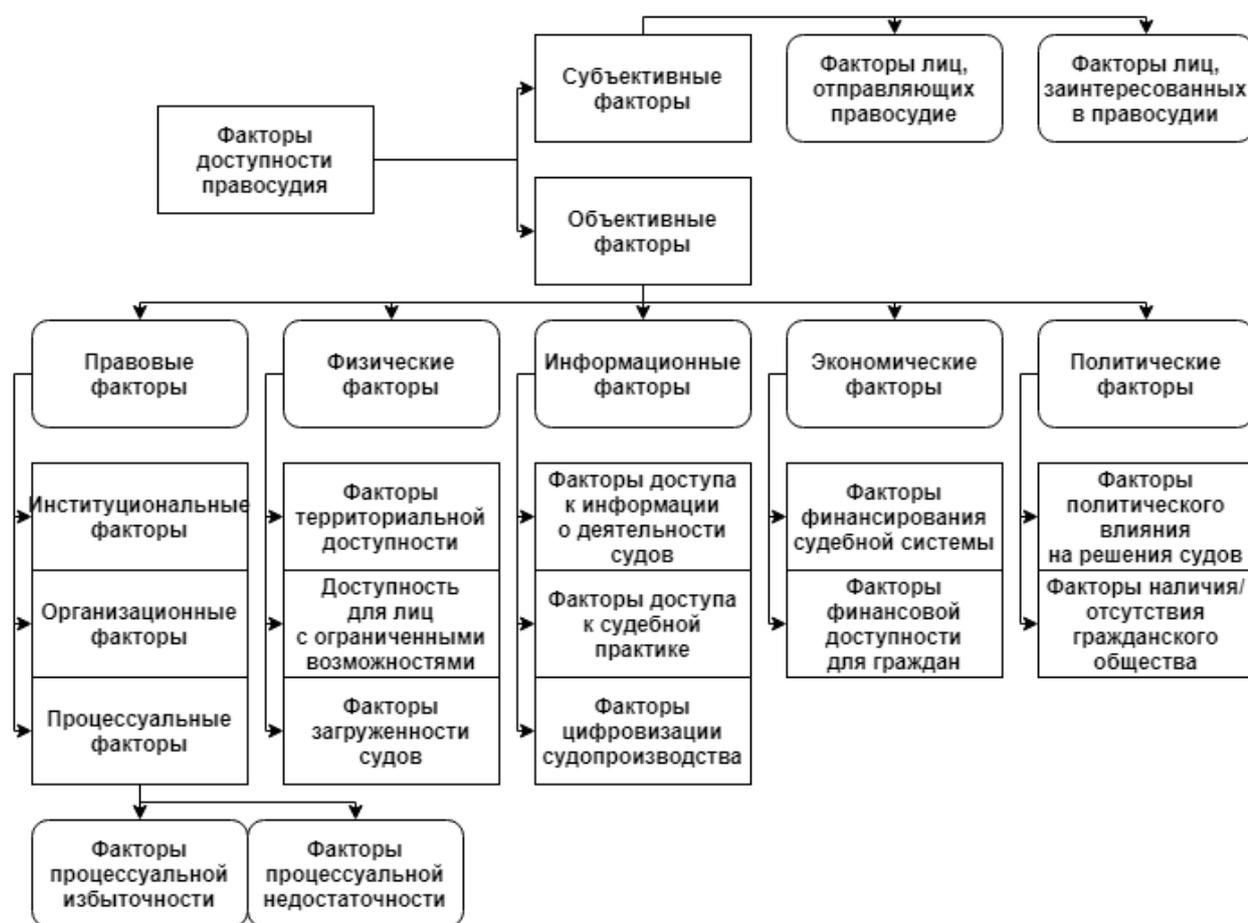

Рис. 1. Классификация факторов доступности правосудия

что выражается в степени работоспособности работников судебной системы. Тем не менее, на наш взгляд, ключевой остается классификация по основанию качественных характеристик форм внешнего выражения факторов доступности правосудия, представленная в настоящей статье.

Как мы считаем, данная классификация является «дорожной картой» для реализации принципа доступности правосудия, а также критерием оценки качества такой реализации в любой судебной системе, в том числе и судебной системе Российской Федерации. Полагаем, что все ранее описанные факторы необходимо учитывать при развитии судебной системы и нормативном закреплении принципа доступности правосудия в процессуальном законодательстве как внутреннее наполнение данного принципа.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Предлагается следующее определение факторов доступности правосудия – это существенные обстоятельства, оказывающие влияние на практическую реализацию принципа доступности правосудия.

2. Предложенная классификация факторов доступности правосудия по сфере их происхождения и влияния предполагает деление на субъективные и объективные факторы.

Субъективные факторы, в свою очередь, делятся на:
– факторы, проистекающие от лиц, заинтересованных в правосудии;
– факторы, проистекающие от лиц, отправляющих правосудие.

Объективные факторы:

- правовые;
- физические;
- информационные;
- экономические;
- политические.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приходько И.А. Доступность правосудия в Арбитражном и Гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: СПбГУ, 2005. 670 с.
2. Айрапетян Ю.В. Бесплатная юридическая помощь как фактор доступности правосудия в гражданском процессе Республики Армения // Евразийская адвокатура. 2015. № 1. С. 10–17.
3. Розахунова Р.Р., Исаева Т.Т. Право граждан на судебную защиту: правовая природа и проблемы реализации // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 6-2. С. 92–95.
4. Кострова Н.М. К вопросу о доступности правосудия // Современное право. 2015. № 2. С. 79–82.

5. Фролова Н.А., Псарев И.М. Доступность к правосудию в российском обществе: проблемы и противоречия // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1. С. 180–188.
6. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 400 с.
7. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: семантика, норма, функция. М.: ЛКИ, 2010. 288 с.
8. Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 249–259.
9. Борисова В.Ф. Соотношение международных и национальных правовых категорий в сфере доступности правосудия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. № 1. С. 12–18.
10. Коновалова Е.В. Основные препятствия в доступе к правосудию и осуществлению справедливого судебного разбирательства // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2007. № 6. С. 203–206.
11. Кузнецов А.П. Ограничения принципа доступности правосудия в ходе проводимой реформы процессуального законодательства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 268–270.
12. Аргунова Е.Э. Условия обеспечения права на доступ к правосудию // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 111–113.
13. Артёмова Д.И. Проблемы доступности правосудия в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 3. С. 44–48.
14. Грицай О.В., Губина Е.Н. Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 64–68.
15. Вороненков Д.Н., Халилов А.Н. Реализация контрольной функции суда в построении гражданского общества // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 102–106.
16. Пронина М.П. Проблема влияния чрезмерности судебных расходов на доступность правосудия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4. С. 109–113.
17. Кондюрин Ю.А. Доступность правосудия как условие эффективности системы электронного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 137–141.
18. Стародубова Л.В., Инганнаморте Л.А. Влияние факторов доверия к судебной системе и проявлений правового нигилизма на доступность правосудия // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 43–48.
19. Марочкин И.Е. Легитимность судебной власти // Проблемы законности. 2012. № 118. С. 192–200.
20. Герасина Л.Н. Проблемы социолого-правового анализа судебной власти та її ефективності // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2018. № 4. С. 8–19.

REFERENCES

1. Prikhodko I.A. *Dostupnost pravosudiya v Arbitrazhnom i Grazhdanskom protsesse: osnovnye problemy* [Access to justice in Arbitration and Civil proceedings: main problems]. Sankt Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 670 p.
2. Ayrapetyan Yu.V. Free legal aid as a factor of accessibility of justice in civil procedure of Armenian Republic. *Evrasiyskaya advokatura*, 2015, no. 1, pp. 10–17.
3. Rozakhunova R.R., Isaeva T.T. The right of citizens to judicial protection: legal nature and the issues of implementation. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*, 2016, no. 6-2, pp. 92–95.
4. Kostrova N.M. Access to justice revisited. *Sovremennoe pravo*, 2015, no. 2, pp. 79–82.
5. Frolova N.A., Psarev I.M. Access to justice in the Russian society: problems and contradictions. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2019, no. 1, pp. 180–188.
6. Zagaynova S.K. *Sudebnye акты v mekhanizme realizatsii sudebnoy vlasti v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial acts in the mechanism of judicial power enactment in civil and arbitration proceedings]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 400 p.
7. Slozhenikina Yu.V. *Terminologicheskaya variativnost: semantika, norma, funktsiya* [Terminological variation: semantics, form, function]. Moscow, LKI Publ., 2010. 288 p.
8. Ponkin I.V., Redkina A.I. Classification as a method of scientific research, particularly in jurisprudence. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 37, pp. 249–259.
9. Borisova V.F. The correlation of international and national legal categories in the field of justice accessibility. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo*, 2016, no. 1, pp. 12–18.
10. Konovalova E.V. The major limitations of access to justice and fair trial. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2007, no. 6, pp. 203–206.
11. Kuznetsov A.P. Limitations of the principle of access to justice in the course of the reform of the procedural legislation of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 6, pp. 268–270.
12. Argunova E.E. Conditions of ensuring right for access to justice. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2018, no. 3, pp. 111–113.
13. Artemova D.I. The issues of access to justice in the Russian Federation. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 44–48.
14. Gritsay O.V., Gubina E.N. Digitalization as a way of optimizing the mechanism of protection of civil rights in the field of civil jurisdiction. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 64–68.
15. Voronenkov D.N., Khalilov A.N. Realization of the control function of the court in the formation of the civil society. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2009, no. 1, pp. 102–106.

16. Pronina M.P. The problem of the influence of excessive court costs on the availability of justice / Legal science and practice. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2012, no. 4, pp. 109–113.
17. Kondyurina Yu.A. Availability of justice as a condition for the effectiveness of the system of electronic legal proceedings. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2016, no. 3, pp. 137–141.
18. Starodubova L.V., Ingannamorte L.A. The influence of factors of judiciary system credibility and legal nihilism manifestations on the access to justice. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 3, pp. 43–48.
19. Marochkin I.E. Legitimacy judiciary. *Problemy zakonnosti*, 2012, no. 118, pp. 192–200.
20. Gerasina L.N. Problems of sociological and legal analysis to department judicial and its efficiency. *Visnik Natsionalnogo universitetu "Yuridichna akademiya Ukraini imeni Yaroslava Mudrogo". Seriya: Filosofiya, filosofiya prava, politologiya, sotsiologiya*, 2018, no. 4, pp. 8–19.

THE FACTORS OF ACCESS TO JUSTICE: DEFINITION AND CLASSIFICATION

© 2020

L.V. Starodubova, senior lecturer of Chair “Civil Law and Procedure”

L.A. Ingannamorte, graduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: justice; principles of justice; the principle of access to justice; the factors of access to justice; classification of factors of access to justice; definition of factors of access to justice.

Abstract: The paper considers the factors significantly influencing the implementation of the principle of access to justice and develops the definition of these factors and their classification. The principle of access to justice is one of the essential procedural principles that guarantee the fulfillment of the goals and objectives set for justice, which necessitates a clear and comprehensive understanding of both the inner content of this principle and the phenomena closely related to it. The factors of access to justice as one of the scientific categories are practically not studied in the literature – many authors use this term (some of them offer their classification) but the factors are poorly researched, only as a necessary addition to the research subject-matter without giving them due attention for implementing this procedural principle. This study has practical significance: the consolidation of the principle of access to justice in the branch procedural codes (which, undoubtedly, should happen) should be supported with the detailed description of how this principle should be implemented in practice and what must be considered to assess the performance of the judicial system in the context of compliance with this principle. A simple statement that justice should be accessible is nothing more than a declarative norm (which already exists in the country’s fundamental law). For this purpose, it is necessary to create a normative description of facts and circumstances, the presence or absence of which should indicate whether justice is accessible at the moment.

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИЯХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА САМОИЗОЛЯЦИИ
В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В РФ**

© 2020

С.Б. Сыропятова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Л.Н. Кабанова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

П.А. Кабанов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция; режим самоизоляции; карантин; ограничительные мероприятия; меры уголовно-правового воздействия; система санкций; нарушение санитарно-эпидемиологических правил; уголовное наказание.

Аннотация: Рассматриваются вопросы разграничения мер уголовного и административного наказания за нарушение режима ограничений, введенных органами власти РФ, органами власти субъектов РФ в целях недопущения распространения коронавирусной инфекции. Дано определение ограничительных мероприятий как правил поведения при введении режима повышенной готовности. Раскрываются вопросы регулирования нормами права основных ограничений, вызванных распространением коронавируса на территории Российской Федерации. Уточняются параметры режимов ограничений прав и свобод, таких как самоизоляция, режим повышенной готовности, карантин, чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение, а также ответственность за нарушение мер ограничительного характера при установлении каждого из режимов. Выявлена причина отсутствия практики применения уголовной ответственности за несоблюдение вышеуказанных требований – отсутствие в РФ четких критериев для введения одного из режимов. Рассмотрен вопрос отнесения деяния к уголовно-правовой или административной категории, уточнен критерий отнесения. Определены виды нарушений (режимные, распространение заведомо ложной информации, предпринимательские), повлекшие уголовное наказание. Рассмотрены условия применения уголовного законодательства, определены виды ответственности в зависимости от применения квалифицирующего признака. Сформулированы предложения по применению уголовного и административного законодательства: их следует разграничивать в зависимости от действующего режима, а не от наступления последствий его нарушения, поскольку в настоящее время возникают сложности с определением причинно-следственных связей в связи с малоизученностью нового явления – распространения коронавирусной инфекции. Внесенные в Уголовный кодекс РФ изменения рассматриваются как деятельность государства по обеспечению безопасности нации.

ВВЕДЕНИЕ

Уже более полугодом население России живет в режиме ограничений, введенных президентом РФ, Правительством РФ, органами власти субъектов РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. К ограничительным мероприятиям относятся запрет перемещения граждан отдельных возрастных категорий, временный запрет на ведение отдельных видов предпринимательской деятельности, а также ужесточение мер за распространение заведомо ложной информации. В совокупности ограничительные мероприятия можно определить как правила поведения при введении режима повышенной готовности, а невыполнение правил поведения рассматривать как нарушение временных ограничений. Если данные нарушения влекут за собой причинение вреда здоровью или смерть человека, то расцениваются как противоправные деяния, за которые может быть предусмотрена административная или уголовная ответственность.

На решение вопроса об отнесении деяния к уголовно-правовой или административной категории в основном влияют два фактора: действующий режим ограничений и последствия нарушений ограничений субъектом для общества. И если первый фактор является объективным по отношению к деянию, устанавливая границы дозволенного поведения, то второй как раз свидетельствует об умысле или неосторожности.

Детально изучив мнения авторов по данному вопросу, условно разделим их на три группы. К первой группе авторов отнесем тех, кто настаивал на том, что понятие «общественная опасность» применимо исключительно к преступлениям, т. е. административные правонарушения общественно опасными не являются, будучи всего лишь общественно «вредными» [1; 2].

Другие авторы (вторая группа) полагают, что некоторые административные правонарушения также могут быть общественно опасными: отличие от преступлений заключается в том, что для последних данное свойство является обязательным, тогда как для административных правонарушений – факультативным [3; 4].

По мнению третьей группы авторов, любые, как уголовные, так и административные, преступления и правонарушения общественно опасны, различия между ними заключаются только в характере и степени их опасности для общества [5; 6].

В настоящее время авторы исследуют новеллы, связанные с ограничением прав граждан на свободу передвижения, введением административной и уголовной ответственности, изучают практику по возбужденным административным и уголовным делам. Изменения уголовного законодательства, обусловленные пандемией, в настоящее время рассматривает ряд ученых, особое внимание уделяется изучению нового состава конкретной опасности, включенного в ст. 236 УК РФ, предусматривающего ответственность за нарушение

санитарно-эпидемиологических правил, создавших угрозу наступления последствий в виде массового заболевания или отравления людей. При этом остро стоит вопрос о разграничении мер уголовно-правового и административно-правового воздействия, поскольку достаточно сложно определить степень общественной опасности действий или бездействий лиц, нарушивших нормы. Поэтому ряд авторов придерживается мнения, что в условиях коронавирусных ограничений определенные социальные процессы приходится признавать опасными для личности, общества и государства, возникает необходимость принимать своевременные и эффективные меры борьбы с ними [7; 8].

Кроме того, современное общество столкнулось с безнаказанным нарушением санитарно-эпидемиологических правил в период борьбы с пандемией COVID-19. Причина этому – введение нормативно не закрепленного режима самоизоляции. Считаем, что стоит согласиться с мнением, что выделение такого состава, как «нарушение санитарно-эпидемиологических правил», должно вменить правоприменителям в обязанность доказывать факт совершения деяния, а также создания этим деянием угрозы, реальной возможности наступления преступных последствий [9; 10].

Цель исследования – разграничение мер уголовно-правового и административно-правового воздействия за нарушение режима самоизоляции в условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции в РФ.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования образует широкий спектр различных общих и специальных методов. Использован ряд общенаучных методов, прежде всего методов анализа и синтеза, индукции и дедукции. Проанализированы параметры действующих режимов ограничений; определены виды нарушений законодательных актов и предписаний в связи с коронавирусом; уточнены виды ответственности за нарушения законодательства, ограничивающего права и свободы в целях сдерживания распространения коронавирусной инфекции, и условия назначения наказания; сформулированы предложения по определению категории деяния (преступление, правонарушение) с учетом приоритетности факторов: введенного режима ограничений или степени общественной опасности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую очередь проанализируем параметры возможных действующих режимов ограничений на территории Российской Федерации (таблица 1).

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что в Российской Федерации предусмотрены различные варианты обеспечения национальной безопасности как мерами ограничительного характера, так и нормами, управомочивающими отдельные службы (органы власти РФ, субъектов РФ) при выполнении служебных обязанностей.

Указом Президента РФ от 02.04.2020 № 294 главам регионов было дано самостоятельное право (полномочия) устанавливать перечень ограничений и определять ряд мероприятий, направленных на предотвращение

распространения коронавирусной инфекции. Практически все главы субъектов РФ пошли по единому пути – установили на территории субъекта «режим повышенной готовности».

Введение данного режима требует от граждан и организаций исполнения правил и норм поведения, в том числе:

- выполнять законные требования представителей экстренных оперативных служб;
- использовать средства коллективной и индивидуальной защиты;
- вызывать уполномоченных должностных лиц при обнаружении пострадавших;
- иметь при себе и предъявлять по требованию документ об удостоверении личности.

При этом в Правилах поведения граждан и организаций при введении режима повышенной готовности, утвержденных Правительством РФ, отсутствует такой элемент правовой нормы, как санкция, а также не предусмотрена отсылочная норма к другому правовому акту, содержащему диспозицию нарушения и санкцию за невыполнение законных требований.

Необходимо отметить, что главы субъектов РФ в правовых актах, устанавливающих ограничения для физических лиц с целью недопущения ухудшения ситуации, связанной с распространением коронавируса, зачастую использовали термин «самоизоляция». Как правовое понятие данная категория законом не определена и означает необходимость воздержаться от контактов с посторонними. При этом граждан просят соблюдать «режим самоизоляции» и выполнять все рекомендации по профилактике вирусных заболеваний, ссылаясь на правовые нормы о санитарно-эпидемиологическом благополучии. Таким образом, не смотря на то, что данный режим законодательно не установлен, из добровольного действия он превратился в ограничительное мероприятие, обязательное для исполнения под угрозой наказания. Доказательством тому могут служить внесенные в апреле 2020 года изменения в ст. 236 УК РФ, уточняющие преступное поведение как «создавшее угрозу» наступления последствий массового заболевания.

В первую очередь изменения в ст. 236 УК РФ коснулись диспозиции нормы: помимо распространения массового заболевания теперь наказанию подвергаются действия и бездействия, если они создают угрозу распространения массового заболевания. Другое изменение связано с усилением санкции: штраф теперь составляет от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей против восьмидесяти тысяч рублей предыдущей редакции закона. Необходимо отметить, что возможно применение данной статьи при любом из введенных режимов, и официальных разъяснений, при каком из них применять минимальное или максимальное наказание, отсутствует.

С одной стороны, разделение по отраслевому признаку на деяния, запрещенные уголовным кодексом, и деяния, запрещенные административным законодательством, играет важную роль при определяющем критерии – степени опасности наступивших последствий. Поэтому считаем необходимым определить виды нарушений законодательных актов и предписаний в связи с коронавирусом. Приведем пример. При возникновении вопроса выбора определения ответственности

Таблица 1. Правовое регулирование возможных обстоятельств, устанавливающих меры ограничительного характера

Нормативно-правовой акт, устанавливающий ограничения	
Самоизоляция	П. 10 ст. 4.1 ФЗ № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»
Режим повышенной готовности	Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации»
Карантин	Ст. 19 ФЗ от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»
Чрезвычайная ситуация	ФЗ от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»
Чрезвычайное положение	Ст. 1 ФКЗ от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении»
Категория ограничений	
Самоизоляция	Мера противодействия распространения коронавирусной инфекции
Режим повышенной готовности	Усиление контроля за состоянием окружающей среды, природных и техногенных процессов
Карантин	Вводятся в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний
Чрезвычайная ситуация	Введение ограничений направленных на сохранение жизни и здоровья граждан
Чрезвычайное положение	Установление ограничений на свободу передвижения по территории, введение особого режима въезда и выезда с нее
Ответственность за нарушение	
Самоизоляция	Административная (ст. 20.6.1 КоАП РФ, ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ)
	Уголовная (ст. 236 УК РФ, по состоянию на октябрь 2020 г. правоприменительная практика отсутствует) [1]
Режим повышенной готовности	Административная (ч. 2 ст. 20.6.1, ч. 2 ст. 6.3, ст. 27.16 КоАП РФ)
	Уголовная (ст. 236 УК РФ, по состоянию на октябрь 2020 г. правоприменительная практика отсутствует) [2]
Карантин	Административная (ст. 20.6.1 КоАП РФ, ч. 2, 3 ст. 6.3, ст. 27.16 КоАП РФ)
	Уголовная (ст. 236 УК РФ)
Чрезвычайная ситуация	Административная (ст. 20.6.1 КоАП РФ, ч. 2, 3 ст. 6.3, ст. 27.16 КоАП РФ)
	Уголовная (ст. 236 УК РФ)
Чрезвычайное положение	Административная (ст. 20.5 КоАП РФ, ч. 2, 3 ст. 6.3, ст. 27.16 КоАП РФ)
	Уголовная (ст. 236 УК РФ)

по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ или ч. 2 ст. 236 УК РФ нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, будет квалифицироваться как преступное деяние с привлечением к уголовной ответственности.

Ужесточили и ответственность за распространение заведомо ложной информации. Критерием выбора применения ст. 13.15 КоАП РФ или ст. 207.1 УК РФ является публичность распространения заведомо ложных сведений под видом достоверных. При этом если распространяемая информация раскрывает обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности, а также если это ложная информация о принимаемых в связи с этим мерах, то деяние также квалифицируется как преступное. Необходимо отметить, что ч. 10.1 и ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ устанавливают ответственность только юридических лиц, поэтому в данном случае раз-

граничение применения следует проводить по субъекту правонарушения¹.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Рассмотрим отдельно виды уголовной ответственности за нарушения предписаний органов власти и местного самоуправления, связанных с мерами предупреждения коронавирусной инфекции (рис. 1).

¹ *Справочная информация: «Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/.*

Статья 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»	
Ч. 1	повлекло по неосторожности массовое заболевание или отравление людей или создало угрозу наступления таких последствий
	– штраф от 500 тысяч до 700 тысяч рублей; – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 1 года до 3 лет; – ограничение свободы на срок до 2 лет; – принудительные работы на срок до 2 лет; – лишение свободы на срок до 2 лет
Ч. 2	повлекло по неосторожности смерть человека
	– штраф в размере от 1 до 2 миллионов рублей; – ограничение свободы на срок от 2 до 4 лет; – принудительные работы на срок от 3 до 5 лет; – лишение свободы на срок от 3 до 5 лет
Ч. 3	повлекло по неосторожности смерть двух и более лиц
	– принудительные работы на срок от 4 до 5 лет; – лишение свободы на срок от 5 до 7 лет

Рис. 1. Законодательство в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»)

1. В части обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения применяются ч. 1–3 ст. 236 УК РФ.

2. В части обеспечения защиты информации применяется ст. 207 УК РФ (рис. 2).

Еще раз отметим, что в настоящее время применяется только система административных наказаний в части нарушения санитарных норм. В связи с этим можно выделить ряд предложений по изменению законодательства.

Форма ограничения «самоизоляция» законом не закреплена, соответственно, ответственность наступает не за нарушение режима самоизоляции, а за нарушение установленных санитарно-эпидемиологических норм, для соблюдения которых самоизоляция и требуется [11; 12]. В первую очередь согласимся с исследователями, которые считают, что требуется законодательно закрепить категорию «самоизоляция», за нарушение которой физическое лицо может быть привлечено как к административной, так и к уголовной ответственности. При этом возможно применение к иностранным гражданам ответственности в форме депортации, что, на наш взгляд, будет более рационально в период распространения инфекции [13; 14].

Что касается распространения заведомо ложной информации и ответственности за данное деяние, считаем необходимым законодательно закрепить категорию «фейк», поскольку цели и способы распространения недобросовестной информации отвечают признакам данной категории. Важно, на наш взгляд, определить следующие критерии фейковой информации:

– ложная информация, которая намеренно подается в виде достоверной с целью дезинформации пользователей о каких-либо фактах, событиях [15];

– распространение недостоверной общественно значимой информации;

– частично или полностью ложная информация, которая подается умышленно с целью ввести в заблуждение общественность [16];

– намеренное распространение дезинформации с целью ввести в заблуждение [17];

– распространение заведомо ложных сведений об объекте общественных отношений, влекущее за собой дестабилизацию обстановки в обществе.

Данные критерии позволяют определить состав деяния как умышленного преступления.

Сложности с применением уголовного законодательства возникают также в связи с отсутствием в законодательстве такого понятийного аппарата, как общественное место. Именно данный фактор должен являться квалифицирующим признаком угрозы распространения коронавирусной инфекции [18].

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения официально объявила пандемию коронавируса SARS-CoV-2 (или коронавирусной инфекции COVID-19). А еще раньше болезнь успела попасть в национальный перечень социально важных заболеваний. Тем самым формализовано то внимание, которое уделяется и самому заболеванию, и мерам по борьбе с ним [19; 20], в том числе и усилению ответственности за его распространение.

ВЫВОДЫ

Для правоприменительной практики в установлении уголовной ответственности за нарушение так называемого режима самоизоляции требуется следующее.

1. Наступление уголовной и административной ответственности разграничивать в зависимости от действующего режима, а не от наступления последствий его нарушения, поскольку в настоящее время возникают

Статья 207 УК РФ «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации»	
Ст. 207.1 УК РФ	– об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан; – о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты
	– штраф в размере от 300 тысяч до 700 тысяч рублей; – обязательные работы на срок до 360 часов; – исправительные работы на срок до 1 года; – ограничение свободы на срок до 3 лет
Ч. 1 ст. 207.2 УК РФ	если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека
	– штраф в размере от 700 тысяч до 1 миллиона 500 тысяч рублей; – исправительные работы на срок до 1 года; – принудительные работы на срок до 3 лет; – лишение свободы на срок до 3 лет
Ч. 2 ст. 207.2 УК РФ	если это повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия
	– штраф в размере от 1 миллиона 500 тысяч до 2 миллионов рублей; – исправительные работы на срок до 2 лет; – принудительные работы на срок до 5 лет; – лишение свободы на срок до 5 лет

Рис. 2. Законодательство в области защиты информации

сложности с определением причинно-следственных связей в связи с малоизученностью нового явления – распространения коронавирусной инфекции, тем более что введение того или иного режима как раз и зависит от степени общественной опасности распространения.

2. Непринятие государственными органами мер по предупреждению распространения коронавирусной инфекции расценивать как преступление против государственной власти и управления, выраженное в бездействии должностных лиц.

3. Определить четкий критерий «угрозы распространения», а также «общественное место» с целью правильной квалификации деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головки Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по Российскому праву // *Lex russica (Русский закон)*. 2016. № 1. С. 139–145.
2. Копченко И.Е. Разграничение норм административного и уголовного законодательства в процессе юридической квалификации неправомерных действий // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 5. С. 82–85.
3. Рёрихт А.А., Дубовик О.Л. Разграничение уголовной и административной ответственности: теоретические основания и практические последствия // *Юридические исследования*. 2017. № 5. С. 107–123.
4. Соловьева С.В., Чеботарева И.Ю. О разграничении некоторых административных правонарушений и уголовных преступлений // *Право и практика*. 2018. № 1. С. 91–95.
5. Керимова С.Н. Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности // *Закон и право*. 2019. № 1. С. 166–169.
6. Конев С.И. Соотношение административного правонарушения, проступка и преступления // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 1. С. 178–181.
7. Юнда А.А. Уголовная ответственность в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Консультант-Плюс: справочно-правовая система*. 2020.
URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/ugolovnaya_otvetstvennost_koronavirus/.
8. Степенко А.В. Уголовная ответственность за распространение инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 8. С. 102–105.
9. Шутова А.А., Ефремова М.А., Никифорова А.А. Новеллы уголовного законодательства в условиях пандемии // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2020. Т. 30. № 4. С. 542–553.
10. Колоколов А.В. Вопросы уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2020. № 2. С. 57–63.
11. Аккаева Х.А. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в Российской Федерации // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2020. Т. 16. № 2. С. 311–313.

12. Волков К.А. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) и уголовный закон // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 52–55.
13. Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Пробельность закона устранена: как будет развиваться практика применения Ст. 236 УК РФ? // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 167–171.
14. Шумских Ю.Л. Ужесточение юридической ответственности в условиях коронавируса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 56–63.
15. Панкова О.В. Вопросы разграничения административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 6.3, ст. 20.6.1 КОАП РФ и ст. 3.18.1 КОАП Москвы, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (ЧАСТЬ 1) // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 67–72.
16. Каляшин А.В. Новеллы административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях пандемии коронавируса (COVID-19) // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 63–67.
17. Козлов М.И. Проблема социальной защищенности в российском обществе в условиях пандемии коронавируса // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. № 5. С. 315–319.
18. Томашевский К.Л. Режим самоизоляции граждан и ограничение прав человека в условиях пандемии COVID-19: белорусский и зарубежный опыт правового регулирования // Юстиция Беларуси. 2020. № 8. С. 15–20.
19. Евстратова Ю.А., Хайрусов Д.С. Правовое противодействие новой национальной угрозе – COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 2. С. 88–91.
20. Антонова Е.Ю. Коронавирус и меры уголовно-правового реагирования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 35–41.
7. Yunda A.A. Criminal liability in the context of the spread of the new coronaviral infection (COVID-19). *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. 2020.
URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/ugolovnaya_otvetstvennost_koronavirus/.
8. Stepenko A.V. Criminal responsibility for the spread of an infectious disease that poses a danger to others. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2020, no. 8, pp. 102–105.
9. Shutova A.A., Efremova M.A., Nikiforova A.A. Novels of criminal legislation in the conditions of pandemia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2020, vol. 30, no. 4, pp. 542–553.
10. Kolokolov A.V. Issues of criminal responsibility for violation of sanitary and epidemiological rules in conditions of the disease of coronavirus infection (COVID-19). *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2020, no. 2, pp. 57–63.
11. Akkaeva Kh.A. Actual problems of performing criminal responsibility for violation of sanitary and epidemiological rules in the Russian Federation. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 311–313.
12. Volkov K.A. New coronavirus infection (covid-19) and criminal law. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2020, no. 7, pp. 52–55.
13. Serebrennikova A.V., Lebedev M.V. The gaps in the law have been eliminated: how will the practice of applying article 236 of the criminal code of the Russian federation develop? *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 167–171.
14. Shumskikh Yu.L. Tightening of legal liability in conditions coronavirus. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 56–63.
15. Pankova O.V. Issues of demarcation of the administrative liability stipulated by part 2 article 6.3, article 20.6.1 of the code of administrative offenses of the Russian federation and article 3.18.1 of the code of administrative offenses of Moscow in view of the distribution of the new coronavirus infection (part 1). *Administrativnoe pravo i protsess*, 2020, no. 7, pp. 67–72.
16. Kalyashin A.V. Novelties of administrative liability for the violation of laws on ensuring sanitary and epidemiological welfare of the population in conditions of the coronavirus (COVID-19) pandemic. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2020, no. 8, pp. 63–67.
17. Kozlov M.I. The problem of social security in Russian society in the context of the coronavirus pandemic. *Russian Economic Bulletin*, 2020, vol. 3, no. 5, pp. 315–319.
18. Tomashevskiy K.L. Self-isolation of citizens and restriction of human rights in the context of the COVID-19 pandemic: Belarusian and foreign experience of legal regulation. *Yustitsiya Belarusi*, 2020, no. 8, pp. 15–20.
19. Evstratova Yu.A., Khayrusov D.S. Legal response to the new national threat – COVID-19. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*, 2020, no. 2, pp. 88–91.
20. Antonova E.Yu. Coronavirus and criminal justice response. *Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 3, pp. 35–41.

REFERENCES

1. Golovko L.V. Delineation of administrative and criminal liability under Russian law. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2016, no. 1, pp. 139–145.
2. Korpchenko I.E. Differentiation of regulations of administrative and criminal legislation in the judicial interpretation of illegal acts. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2016, no. 5, pp. 82–85.
3. Rerikht A.A., Dubovik O.L. The distinction of criminal and administrative liability: theoretical grounds and practical impact. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2017, no. 5, pp. 107–123.
4. Soloveva S.V., Chebotareva I.Yu. About the differentiation of some administrative offences and criminal crimes. *Pravo i praktika*, 2018, no. 1, pp. 91–95.
5. Keramova S.N. The problem of delineation of administrative responsibilities from criminal. *Zakon i pravo*, 2019, no. 1, pp. 166–169.
6. Konev S.I. Ratio of administrative offense, misconduct and crime. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2020, no. 1, pp. 178–181.

**ON THE DISTINCTIONS OF CRIMINAL-LEGAL
AND ADMINISTRATIVE-LEGAL ENFORCEMENT ACTIONS
FOR VIOLATION OF THE SELF-ISOLATION REGIME IN THE CONDITIONS OF DANGER
OF THE SPREAD OF CORONAVIRAL INFECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

© 2020

S.B. Syropyatova, PhD (Economics), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

L.N. Kabanova, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

P.A. Kabanov, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: new coronaviral infection; self-isolation regime; quarantine; restrictive measures; criminal-legal enforcement actions; system of sanctions; violation of sanitary-and-epidemiologic rules; criminal penalty.

Abstract: The paper considers the issues of differentiation of criminal and administrative penalties for violation of the regime of restrictions imposed by the government authorities of the Russian Federation, government authorities of the RF subjects to prevent the spread of coronaviral infection. The authors define restrictive measures as the rules of behavior when introducing a high-alert regime. The paper reveals the issues of regulation by the law of the main restrictions caused by the coronavirus spread in the territory of the Russian Federation. The authors define the parameters of restrictions on rights and freedoms, such as self-isolation, high-alert regime, quarantine, emergency, emergency state, as well as liability for violations of restrictive measures when imposing each of the regimes. The paper identifies the lack of sharply defined criteria to introduce one of the regimes as a reason for the lack of practice of applying criminal liability for non-compliance with the above requirements. The authors considered the issue of assigning an action to a criminal or administrative category and clarified the criteria for attribution. The types of violations (regime violations, dissemination of deliberately false information, business violations) that resulted in criminal penalties are defined. The authors considered the conditions for the application of criminal legislation and determined responsibility, depending on the application of a qualifying feature. The paper formulates the proposals for the application of criminal and administrative legislation: they should be distinguished depending on the current regime and not on the ensuring of consequences of its violation. That happens because currently, it is difficult to identify causal relationships due to the understudy of a new phenomenon – the spread of coronaviral infection. The authors consider the adopted amendments to the RF Criminal Code as the state’s activity to ensure the security of the nation.

**ИНСТИТУТ ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА,
КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

© 2020

И.Н. Чеботарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики**О.С. Паутина**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики**И.В. Ревина**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики*Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия)*

Ключевые слова: отказ от права; уголовное судопроизводство; неосуществление права; адвокат; уголовно-процессуальные отношения; участники уголовно-процессуальной деятельности.

Аннотация: Природа субъективного права обуславливает возможность участника уголовного процесса по своей воле, исходя из собственных интересов и желаний, как реализовать его в полной мере, так и отказаться от него и не использовать предоставленные процессуальные возможности. В уголовном судопроизводстве институт отказа от права является новым, недостаточно развитым, понимание его содержания и пределов реализации на уровне доктрины и судебной практики практически отсутствует, в отличие от зарубежного опыта и гражданско-правового регулирования, что порождает определенный научный интерес к данной проблематике. В статье проведен ретроспективный анализ определения природы отказа от субъективного права в российской юридической доктрине. Дана общая характеристика применения отказа от права в зарубежных странах как самостоятельного правового явления. Сформулировано авторское определение понятия «отказ от субъективного права». Применительно к российскому уголовно-процессуальному законодательству отстаивается позиция о необходимости разграничения отказа от права и отказа от осуществления права участниками уголовного судопроизводства, проанализирован дифференцированный подход законодателя по данному вопросу. На основе теоретико-правового анализа установлено, что отказ от субъективного права имеет определенные сущностные признаки, формы и способы осуществления, а также обозначены критерии его допустимости. Обосновывается вывод о том, что отказ от права в уголовном процессе возможен при соблюдении таких условий, как непосредственное волеизъявление субъекта уголовно-процессуального правоотношения об отказе от права; знание о наличии определенного процессуального права и последствиях такого отказа; форма отказа, указывающая на его добровольный характер путем реализации осознанной свободы выбора. Авторами сформулированы предложения, направленные на совершенствование норм действующего уголовно-процессуального законодательства.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование вопроса об отказе от субъективного права невозможно без уяснения его правовой сущности в целом. Возникая на основе норм объективного права, субъективное право качественно от него отличается, представляя собой правило поведения индивидуального характера.

Определение понятия и содержания субъективного права в доктрине продолжает оставаться одним из дискуссионных, что порождает научный интерес в обозначенной области. Ученые справедливо отмечают, что существующие теории субъективного права позволяют обозначить три основных подхода к разрешению данного вопроса, которые сложились еще в советский этап развития категории субъективного права. Сторонники первого подхода – теории положительного содержания субъективного права – понимали под ним признанную законом определенную меру возможного поведения лица¹. Диаметально противоположную позицию в данном вопросе занимал сторонник второго подхода, так называемой теории отрицательного содержания субъективного права, – О.С. Иоффе. Специфику содержания субъективного права исследователь видел не в дозволенности действий и не в праве на собственные действия, а в возможности таких действий, которая возника-

ет вследствие обеспечения определенного поведения обязанных лиц [1]. Сторонники третьего подхода – комбинационной теории – отмечали, что субъективное право всегда представляет собой неразрывное единство трех возможностей: 1) вида и меры возможного поведения для непосредственного обладателя субъективного права; 2) возможности требовать поведения, обеспечивающего воплощение первой возможности, от других лиц; 3) возможности обратиться в надлежащих случаях к помощи принудительной силы государства для реализации второй возможности [2].

Таким образом, субъективное право представляет собой сложное, многогранное явление, имеющее различные формы реализации и выраженное через определенную правовую норму, закрепленную законодательно [3]. Анализируя высказывающиеся в доктрине взгляды на субъективное право, можно выделить следующие характеризующие его элементы: 1) принадлежит конкретному лицу; 2) основано на реализации объективного права; 3) характеризуется как право управомоченного субъекта правоотношения на определенное юридическое поведение [4]; 4) не возникает без интереса, который связывает управомоченного и обязанного субъектов правоотношений; 5) направлено на реализацию определенного социального блага [5]; 6) обеспечивается и гарантируется правовыми нормами; 7) осуществляется в интересах носителя субъективного права [6]; 8) имеет свои пределы и границы допустимости; 9) реализация права предполагает возложение на противоположную сторону соответствующей юридической обязанности

¹ Братусь С.Н. *Юридические лица в советском гражданском праве // Ученые труды ВИЮН Министерства юстиции СССР. М.: Юридическое изд. МинЮст, 1947. С. 34.*

[7]. В отличие от объективного права, реализация которого не зависит от интересов отдельной личности и не может принадлежать кому-либо, осуществление субъективного права зависит исключительно от воли и личного усмотрения управомоченного лица [8].

В российской юридической науке проблематика субъективных уголовно-процессуальных прав развивалась непоследовательно и противоречиво. В дореволюционный период вопросы содержания и классификации субъективных прав не нашли своего отражения в теории уголовно-процессуальной науки. Советская правовая доктрина, не признавая частноправовые начала, разработала единое понятие субъективного права как меры возможного поведения, основывающееся на положении «дозволено то, что разрешено законом», т. е. имеющее ярко выраженный публичный характер. Современные процессуалисты, развивая мысль М.С. Строговича о сути субъективного права [9], рассматривают субъективное уголовно-процессуальное право в трех аспектах:

- как закрепленное нормой уголовно-процессуального закона личное благо участника уголовного судопроизводства;

- как свободу поведения (поступков) участников уголовного процесса в установленных нормой уголовно-процессуального закона границах;

- как выраженную в законе, правовой норме возможность участника уголовного судопроизводства совершать определенные действия и требовать определенных действий от иных участников судопроизводства.

При этом обращается внимание, что данные аспекты субъективных прав – это не классификация их на виды; в одном и том же субъективном праве можно усмотреть каждую из его сторон, выраженную в большей или меньшей степени [10].

Следовательно, природа субъективного права обусловливает возможность участника уголовного судопроизводства, исходя из собственных интересов и желаний, в целях защиты своих законных интересов и прав отказаться от использования предоставленного ему права, например, от участия адвоката, и защищать себя либо представлять свои интересы самостоятельно; отказаться от права на полноценное судебное разбирательство, воспользовавшись своим правом на проведение сокращенного судебного заседания при согласии подсудимого с предъявленным ему обвинением в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Очевидно, отказ от права как акт волеизъявления субъекта, а равно как и нереализация права, не обусловленная волей его обладателя, имеют идентичные правовые последствия в виде неиспользования субъективного права. Таким образом, сущность субъективного права предоставляет его обладателю свободу выбора – реализовать принадлежащее ему процессуальное право или нет.

Цель исследования – анализ феномена правовой природы отказа от субъективного права со стороны участников уголовного судопроизводства, разграничение категорий «отказ от права» и «отказ от реализации субъективного права» на основе сравнительного анализа уголовно-процессуального и гражданско-правового регулирования, определение критериев допустимости отказа от субъективного права.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выявления правовой природы и сущности отказа от субъективного права в уголовном судопроизводстве, а также для разграничения отказа от субъективного права и отказа от осуществления/неосуществления права применялись общенаучные методы анализа и синтеза. Были использованы и частнонаучные методы, а именно формально-юридический (при изучении форм и условий отказа от реализации субъективного права при производстве по уголовному делу) и сравнительно-правовой (при изучении судебной практики и норм действующего законодательства по вопросу правового регулирования института отказа от права). Выводы сформулированы с использованием методов дедукции и индукции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Отказ от права: постановка проблемы и его правовая природа

Отказ от права – это институт, известный и широко используемый во многих правовых семьях. Как показывает исторический экскурс, его правовое становление и развитие берет свое непосредственное начало из римского права, предусматривающего прекращение права по отречению – *renuntiatio*, когда субъект просто отказывается от права, не уступая его определенному лицу.

Наибольшее внимание правовому регулированию данного института уделено в странах общего права, где была сформирована англо-саксонская доктрина *waiver* (англ. «отказ»), предполагающая сознательный выбор лица в пользу добровольного отказа от осуществления закрепленного права, или определенной привилегии, или преимуществ в любой отрасли права [11]. В странах англо-саксонской системы права дано толкование анализируемому понятию, обозначены критерии допустимости отказа от прав, определена форма совершения такого отказа от права, выработаны критерии его недействительности при определенных условиях.

Источники континентальной догмы права также регламентируют основания отказа от известного права. Так, законодательство Германии выделяет институт *Verzicht* (нем. «отказ»), подразумевающий односторонний осознанный отказ лица, направленный на прекращение того или иного права, при условии его восприятия противоположной стороной, и институт неосуществления права *Nicht-ausübung* (*Nichtausübung* – нем. «несоблюдение») [12].

Для российского права данный институт является на сегодняшний день малоисследованным и недостаточно разработанным. Ни в отечественной уголовно-процессуальной доктрине, ни в правоприменительной области не выработано однозначных критериев такого правового явления, как отказ от права, он не ограничен от отказа от осуществления/неосуществления права. Более того, дискусионна сама возможность такого разграничения.

Попытаемся разобраться в указанной терминологии. Если гражданско-правовое регулирование закрепляет как общую норму, устанавливающую запрет на отказ от осуществления гражданских прав в порядке п. 2 ст. 9

Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), так и особые правила для отказа от договорных прав с учетом требований п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, то в уголовно-правовой сфере такого запрета как самостоятельного правового института не предусмотрено, полагаем, в силу специфики правоотношений, возникающих в данной отрасли в целом. Гражданская область ввиду диспозитивных начал предполагает большую свободу выбора субъектами таких отношений, нежели реализация принципа публичности в уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем отдельные нормы уголовно-процессуального закона не исключают возможности отказа от того или иного права участниками судопроизводства.

Отказ от субъективного права в целом может быть охарактеризован как правомерное сознательное волевое решение, выраженное посредством совершения конкретных действий, повлекших за собой наступление определенных юридических последствий, а именно возникновения, изменения или прекращения уголовно-процессуальных отношений.

В данном вопросе мы не разделяем мнение автора [11], согласно которому основным критерием разграничения обозначенных понятий выступает характер действий управомоченного лица: отказ от осуществления права предполагает пассивность, а отказ от права – недвусмысленное активное волеизъявление. Если отказ от права должен быть явно выражен и направлен именно на прекращение права посредством реализации активных действий, то отказ от осуществления права фактически приравнивался к неиспользованию права и бездействию управомоченного лица.

Согласно другому подходу, не существует разницы между отказом от права и отказом от осуществления права. Отличие только в терминологии, по существу же это одно и то же, так как последствия одинаковы: прекращение субъективного права [13]. На наш взгляд, очевидное сходство институтов отказа от права и отказа от осуществления права все же не позволяет констатировать тождество данных правовых явлений. Это имеет существенное значение для правильного понимания их содержания. Отказ от права обладает правопрекращающим эффектом. Отказ от реализации права не порождает утрату права как такового. Следовательно, указанные понятия различаются не только терминологически, но и по существу. Полагаем, заслуживает внимания позиция, согласно которой «отказ от реализации субъективного права является одним из способов отказа от субъективного права» [14, с. 32].

Анализ уголовно-процессуального законодательства и судебной практики

Как показывает анализ правоприменительной практики, при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности ее субъекты зачастую сталкиваются с уклонением либо нежеланием участников уголовного судопроизводства реализовывать предоставленные им законом права. Возникает резонный вопрос: допустим ли отказ от права в уголовно-процессуальных правоотношениях и каковы его последствия? Безусловно, данная проблематика многоаспектна и безгранична. Рассмотрим ее применительно к реализации права на профессиональную защиту законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также их прав и свобод.

Согласно правовым предписаниям, определяющей обязанностью государства является не только предотвращение и пресечение в установленном порядке преступлений, но и обеспечение участникам уголовного судопроизводства возможности отстаивать свои права и интересы любыми не запрещенными законом способами и средствами.

Одной из конституционных гарантий, направленных на реализацию данной правовой нормы, выступает право каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ). Обозначенное право предоставлено законом как потерпевшей стороне, так и лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, а также свидетелю в рамках производства по уголовному делу. Более того, ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в качестве общеправового положения закрепляет принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, который может быть реализован как лично вышеуказанными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, так и с привлечением адвоката в качестве защитника. Вместе с тем законодатель не исключает возможности отказа от услуг адвоката-защитника или адвоката-представителя ввиду различных оснований. Так, наиболее часто в судебной практике встречается отказ от защитника при так называемой «двойной защите», когда в уголовном деле участвует адвокат по назначению правоохранительных органов и приглашенный подозреваемым, обвиняемым защитник [15–18].

Как показывает анализ судебной практики, в последнее время увеличивается количество подобных фактов. По данному вопросу 17 июня 2019 года Конституционным судом РФ была сформулирована правовая позиция, анализируя которую отдельные процессуалисты справедливо отмечают, что «подобный отказ не противоречит нормативно-правовым предписаниям и нормам. Вместе с тем, это не предполагает отказ от защиты в целом ввиду того обстоятельства, что право на получение квалифицированной юридической помощи обеспечено, следовательно, требования уголовно-процессуального закона о необязательности отказа от защитника для правоприменителя в данном случае не может применяться как обоснование защиты прав подозреваемого, обвиняемого»².

На наш взгляд, аналогичным образом следует интерпретировать случаи отказа потерпевшего от помощи адвоката-представителя в связи с расхождением в позициях по делу. При этом существенным недостатком действующего уголовно-процессуального закона нам видится отсутствие правовой регламентации порядка допуска к участию в уголовном деле адвоката – представителя потерпевшего, так и отказа от него. Полагаем, в описанных выше ситуациях не представляется возможным говорить об отказе от права в целом со стороны указанных субъектов процесса в силу того, что действие такого права не прекращается, лицо не утрачивает

² Кипнис Н.М. Опасности «двойной защиты».

О постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-5 // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/opasnosti-dvoynoy-zashchity/>.

процессуальной возможности воспользоваться этим правом в дальнейшем. Следовательно, речь идет не об отказе от права, а об отказе от возможности осуществления своего права обозначенными участниками уголовно-процессуальной деятельности.

Формы и условия отказа от реализации права в уголовном судопроизводстве

Отказ от реализации того или иного права может быть выражен как в форме активных действий со стороны заинтересованных субъектов, так и в форме бездействия. В случае незнания субъектом своего права либо недопонимания такой процессуальной возможности подобный отказ не может иметь место, «поскольку лицо не имеет возможности использовать все те блага, которые ему предписаны правовыми нормами» [19, с. 65].

В рамках гражданского права, к примеру, допускается так называемый «молчаливый», или «подразумеваемый», отказ от права, т. е. отсутствие каких-либо определенных действий со стороны субъекта, направленных на реализацию того или иного процессуального права. В юридической литературе подчеркивается, что «молчание может иметь юридическое значение и выражать волю лица прекратить субъективное право, в случае если законом установлен некий пресекательный срок, по истечении которого лицо утрачивает свое право. Так, в соответствии со ст. 1136 ГК РФ, если отказополучатель не воспользуется своим правом на получение завещательного отказа в течение трех лет, он утрачивает свое право»³.

Уголовно-процессуальный закон не столь категоричен в данном аспекте, хотя и ограничивает в отдельных случаях волеизъявление субъекта временными рамками. В частности, может остаться нереализованным при отсутствии выраженного намерения лица право обвиняемого на рассмотрение уголовного дела судом присяжных, право на особый порядок судебного заседания в связи с согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением или, предположим, право на участие в судебных прениях со стороны потерпевшего. В то же время отсутствие соответствующего ходатайства об участии в деле адвоката в качестве представителя интересов потерпевшего не может свидетельствовать об отказе со стороны потерпевшего от реализации своего процессуального права на получение квалифицированной юридической помощи в целом, поскольку, как отмечалось ранее, не исключает возможность реализовать данное право в последующем.

Аналогичную аргументацию можно привести применительно к отказу свидетеля, вызванного на допрос, от услуг адвоката, но при условии проведения последующих следственных действий, допускающих возможность привлечения адвоката к участию в них (например, повторных допросов или очной ставки). В противном случае можно говорить об отказе свидетеля от своего процессуального права на привлечение адвоката.

³ Кузнецова О.А. *Отказ от права как односторонняя сделка: проблемы правоприменительной практики // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 82–84.*

Очевидно, следует сформулировать определенные условия признания отказа от реализации субъективного права допустимым:

1) закрепление права, т. е. наличие права, которое подлежит правовой защите. Это могут быть конституционное положение либо процессуальная норма, например, регламентирующие процессуальный статус участников уголовного судопроизводства;

2) знание своего права, предполагающее осведомленность лица относительно наличия определенного права. В уголовном судопроизводстве это обеспечивается через реализацию принципа охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ). Ч. 1 указанной правовой нормы закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав;

3) волеизъявление субъекта права – осознанное и добровольное намерение лица отказаться от права в целом, выраженное в форме действия/бездействия.

Вместе с тем в уголовном судопроизводстве прямое волеизъявление участника процесса об отказе от реализации определенного права не всегда свидетельствует о прекращении действия самого права. Следовательно, основным критерием, разграничивающим отказ от права и отказ от осуществления права, выступает не столько волеизъявление субъекта правоотношения, сколько правовая регламентация.

На наш взгляд, институт отказа от права требует законодательного регулирования в отечественной уголовно-процессуальной доктрине при «злоупотреблении правом» участниками процесса, скажем, со стороны обвиняемого, когда отказ от очередного защитника осуществляется в целях затягивания сроков предварительного расследования.

Схожий правовой институт закреплен в гражданском праве – *judicial estoppel* (ст. 166, 432 ГК РФ) [20]. Речь идет об утрате стороной судебного разбирательства определенного права в последующем при ее недобросовестном или противоречивом поведении [21].

Безусловно, в качестве гарантии должны быть определены условия действительности такого отказа и последствия его применения. Не исключаем вероятность определения критериев того, от каких прав отказаться можно, а от каких – нельзя. На наш взгляд, в уголовном судопроизводстве недопустим отказ от права, когда интересы правосудия преобладают над личными интересами участников процесса. Скажем, участие в уголовном деле в качестве потерпевшего не зависит от его волеизъявления и является обязанностью по делам публичного обвинения. У адвоката не может быть субъективного права прекратить защиту, а по сути – отказаться от нее, так как оказание квалифицированной юридической помощи является конституционной и одновременно его процессуальной обязанностью.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Отказ от субъективного права представляет собой правомерное сознательное волевое решение управомоченного лица, выраженное посредством совершения

определенных действий, влекущих за собой наступление юридических последствий. Отказ от права может быть выражен в виде отказа от реализации права и реализации права, прекращающей возможность использования другого права, что является формами отказа от субъективного права.

Способом отказа субъекта от принадлежащего ему права (демонстрирующим, как можно отказаться от права) выступает поведение лица, которое может быть как активным (в виде действия), так и пассивным (в виде бездействия). Установлено, что пассивный отказ от субъективного права всегда связан с безынициативностью управомоченного лица, в отличие от активной формы отказа от права, подразумевающей заинтересованность лица относительно способа использования принадлежащих ему процессуальных возможностей.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с.
- Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
- Строгович М.С. Советская социалистическая законность и права личности. Избранные труды. Т. 1. М.: Наука, 1990. 304 с.
- Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 359 с.
- Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский университет, 1987. 294 с.
- Шериев А.М. О сущности и содержании субъективного права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 57–63.
- Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в правовой жизни // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики. М.: Проспект, 2016. С. 215–230.
- Зинченко И.А., Григорьев В.Н., Победин А.В., Трубникова Т.В. Отказ от права – комплексная проблема уголовно-процессуального права и уголовно-судопроизводства // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 82–86.
- Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1971. 160 с.
- Бойко Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. 2012. № 3. С. 133–145.
- Власова Е.Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых порядках // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 85–98.
- Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. В 4 кн. Кн. 1: Общие положения. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2003. 848 с.
- Гамбарян А.С. Пассивное поведение (бездействие): использование субъективного права или отказ от реализации субъективного права // Lex Russica (русский закон). 2019. № 2. С. 29–40.
- Чистилина Д.О. Проблемы осуществления «двойной защиты» в уголовном процессе России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 2. С. 68–80.
- Kozyavin A.A., Chistilina D.O. Civil control and civil assistance in criminal proceedings of Russia: pro et contra // SGEM Conference Social science and Arts. Bulgaria: Bulgarian Academy of Sciences, 2016. P. 547–554.
- Ревина И.В. Нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности адвоката. Курск: Университетская книга, 2019. 185 с.
- Лобанова Л.В., Висков Н.В. О некоторых общественно опасных проявлениях нарушения права подозреваемого (обвиняемого) на защиту // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 105–110.
- Чеботарева И.Н., Пашутина О.С., Ревина И.В. Признаки отказа от субъективного права в уголовном процессе как акта волеизъявления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и Право. 2020. Т. 10. № 4. С. 62–72.
- Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 81–88.
- Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 71–78.

REFERENCES

- Ioffe O.S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii "khozaystvennogo prava"* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Thought. Civil legal relationship. Criticism of the theory of "economic law"]. Moscow, Statut Publ., 2000. 777 p.
- Aleksandrov N.G. *Zakonnost i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve* [Legality and legal relations in Soviet society]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p.
- Strogovich M.S. *Sovetskaya sotsialisticheskaya zakonnost i prava lichnosti. Izbrannye trudy* [Soviet socialist legality and individual rights. Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1990. Vol. 1, 304 p.
- Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law. Course in 2 volumes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. Vol. 2, 359 p.
- Matuzov N.I. *Pravovaya sistema i lichnost* [Legal system and personality]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1987. 294 p.
- Sheriev A.M. On the essence and content of subjective law. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2007, no. 4, pp. 57–63.
- Khokhlova E.M. Subjective law and legal obligation in legal life. *Pravovaya zhizn obshchestva: problemy teorii i praktiki*. Moscow, Prospekt Publ., 2016, pp. 215–230.
- Zinchenko I.A., Grigorev V.N., Pobedkin A.V., Trubnikova T.V. Waiver of right as a complex problem relating to criminal procedure law and criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2018, no. 12, pp. 82–86.

9. Strogovich M.S. *Osnovnye voprosy sovetskoj sotsialisticheskoy zakonnosti* [The main questions of Soviet socialist legality]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 252 p.
10. Kokorev L.D. *Uchastniki pravosudiya po ugovnym delam* [The main questions of Soviet socialist legality]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1971. 160 p.
11. Boyko T.S. Disclaimer and refraining from exercising the right: Russian and Anglo-American approaches. *Zakon*, 2012, no. 3, pp. 133–145.
12. Vlasova E.D. The Institute of Waiver of Law: Application in Russian Law and in Foreign Legal Orders. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 85–98.
13. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract law. General Provisions]. 2-e ed., ster. Moscow, Statut Publ., 2003. 848 p.
14. Gambaryan A.S. Passive behaviour (omission to act): implementation of a legal right or a waiver of implementation of a legal right. *Lex Russica (russskiy zakon)*, 2019, no. 2, pp. 29–40.
15. Chistilina D.O. Problems of implementation of “double protection” in the criminal proceedings of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 68–80.
16. Kozyavin A.A., Chistilina D.O. Civil control and civil assistance in criminal proceedings of Russia: pro et contra. *SGEM Conference Social science and Arts*. Bulgaria, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 547–554.
17. Revina I.V. *Nravstvennoe sodержanie ugovno-protsessualnoy deyatel'nosti advokata* [Moral content of criminal procedural activities of a lawyer]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019. 185 p.
18. Lobanova L.V., Viskov N.V. Concerning injurious-to-public violations of the defence right of a suspect (an accused). *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2017, no. 12, pp. 105–110.
19. Chebotareva I.N., Pashutina O.S., Revina I.V. Attributes of waiver of rights in criminal proceedings as an act of will. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i Pravo*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 62–72.
20. Chernykh I.I. Estoppel in civil justice. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2015, no. 12, pp. 81–88.
21. Roor K.A. The concept and essence of estoppel. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2018, no. 7, pp. 71–78.

WAIVER OF SUBJECTIVE RIGHT INSTITUTE: LEGAL NATURE AND ACCEPTANCE CRITERIA IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2020

I.N. Chebotareva, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics

O.S. Pashutina, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics

I.V. Revina, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
Southwest State University, Kursk (Russia)

Keywords: waiver of right; criminal proceedings; failure to exercise right; a lawyer; criminal procedural relations; participants in criminal procedural activities.

Abstract: The nature of a subjective right causes the possibility of a criminal proceedings participant willingly, based on own interests and wishes, both to exercise the right exactly and waive it and not to use the provided procedural possibilities. Within the criminal proceedings, the waiver of the right institute is new, underdeveloped. There is practically no understanding of its subject matter and the extent of its exercise at the level of doctrine and jurisprudence as opposed to the foreign experience and civil legal regulation, which causes definite scientific interest in this topic. The paper carries out the look-back analysis of the definition of the nature of the waiver of the subjective right in Russian legal doctrine. This institute is relatively new and little researched in the Russian doctrine, which determines a particular scientific interest in the study of this issue. The paper provides the authors' description of the waiver of the subjective right. In respect to the Russian criminal procedural legislation, the authors highlight the necessity to distinguish between the refusal of a right and the refusal to exercise a right by the participants in the criminal procedural activity; analyze the differentiated approach of the legislator on this issue. Based on the theoretical and legal analysis, the authors define that the waiver of the subjective right has definite essential features, forms, and ways of implementation, as well as specify the criteria for its admissibility. The paper proves the conclusion that the waiver of the right within the criminal process is possible under such conditions, as the direct willingness of a subject of criminal law relations to waive a right; the awareness of the existence of a particular procedural right and the consequences of such refusal; the form of a waiver showing its voluntary nature by implementing the intended freedom of choice. The authors expressed the proposals aimed at the improvement of norms of current criminal procedural legislation.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОШЕННИЧЕСТВУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

© 2020

Б.Э. Шавалеев, адъюнкт*Казанский юридический институт МВД России, Казань (Россия)*

Ключевые слова: электронные средства платежа; мошенничество; использование электронных средств платежа; ИЭСП.

Аннотация: Современные тенденции свидетельствуют о ежегодном росте количества регистрируемых фактов мошенничества с использованием электронных средств платежа, а также сумм сопряженного с ним ущерба как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации, что ставит на повестку дня проблему совершенствования мер противодействия данному виду преступности. Важным элементом противодействия преступности является оптимизация уголовного законодательства, что обуславливает актуальность данного исследования. Автор проводит сравнительно-правовое исследование особенностей уголовного законодательства России и зарубежных стран в части противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа, отмечает особенности понятийного аппарата и юридической техники, используемых в отечественном и зарубежном уголовном законах. Исследована легальная пенализация вышеуказанного деяния, юридическая техника формулирования диспозиции состава преступления, предусматривающего ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Автор отмечает широкое применение реституции в уголовном законодательстве стран Европейского Союза. На основе полученных результатов определены особенности уголовно-правового противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа в России и за рубежом, сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа, а именно проект статьи Уголовного кодекса РФ, устанавливающей ответственность за неправомерное использование электронных средств платежа, в целях приведения к единообразию правоприменительной практики и реализации принципа справедливости наказания.

ВВЕДЕНИЕ

Объявленная Всемирной организацией здравоохранения пандемия коронавирусной инфекции оказала значительное влияние на состояние преступности в мире. Независимые исследователи, ученое сообщество и официальные органы озадачены ростом преступности, сопряженной с использованием информационных технологий, которая вышла на первый план в период эпидемии, в частности ростом числа случаев мошенничества с использованием электронных средств платежа (ИЭСП).

Так, в Российской Федерации в январе – октябре 2020 года зарегистрировано 420,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 75,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года; их удельный вес увеличился с 14,0 % (в январе – сентябре 2019 года) до 24,2 %. Половина таких преступлений (51,4 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких – 216,4 тыс. (+84,9 %). Четыре таких преступления из пяти (81,6 %) совершаются путем кражи или мошенничества – 343,2 тыс. (+80,9 %)¹.

В зарубежных странах также наблюдается увеличение количества регистрируемых факторов мошенничества с ИЭСП. Так, согласно исследованию Atlas VPN, в первой половине 2020 года число случаев мошенни-

чества с кредитными картами в Соединенных Штатах Америки увеличилось на 104 %².

По данным Банка ВТБ, число преступных посягательств в исследуемой нами сфере общественных отношений на фоне введения режима самоизоляции в первой половине апреля выросло, по сравнению с аналогичным периодом марта, более чем на 15 % при общем снижении транзакционной активности клиентов банка³.

Научное сообщество уже обращало внимание, что современное законодательное регулирование уголовной ответственности в сфере мошенничества с ИЭСП в странах СНГ отстает от стремительного развития технологий [1; 2]. Данная проблема все чаще становится предметом научных дискуссий, как в России, так и в зарубежных странах. Среди работ отечественных авторов, исследующих данное направление, следует выделить: анализ уголовно-правовых основ квалификации деяния, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, особенностей данного состава преступления [3–5], исследование правовых проблем расследования мошенничества с ИЭСП [6], анализ регламентации ответственности за преступления, совершенные с ИЭСП, в зарубежном законодательстве [7], исследование детерминант мошенничества с ИЭСП [8].

Зарубежные исследователи обращаются преимущественно к совершенствованию технологического

¹ *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – октябрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21933965>.*

² *Financial fraud reports in the US jumped by 104% in 2020 Q1 // Atlasvpn. URL: <https://atlasvpn.com/blog/financial-fraud-reports-in-the-us-jumped-by-104-in-2020-q1>.*

³ *ВТБ зафиксировал рост активности мошенников на самоизоляции // ВТБ. URL: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/novosti-i-press-relizy/2020/04/2020-04-23-vtb-zafiksiroval-rost-aktivnosti-moshennikov-na-samoizolyatsii/>.*

обеспечения банковских безналичных транзакций как к способу предупреждению исследуемого деяния [9; 10], однако широко представлены исследования, посвященные комплексному противодействию мошенничеству с ИЭСП [11–13].

Безусловно, совершенствование уголовно-правового противодействия мошенничеству с ИЭСП должно учитывать фундаментальные основы для данного направления, которые подробно освещены в трудах [14–16].

Цель исследования – анализ уголовно-правового противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа в России и в зарубежных странах.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Междисциплинарный характер исследования, обусловленный сопряженностью анализируемого преступного деяния со сферами безналичных банковских транзакций и информационных технологий, требует применения широкого перечня методов для всестороннего и комплексного изучения заявленной темы.

Так, основу исследования составили общенаучные, частнонаучные и специально-юридические методы, среди которых превалирует формально-юридический метод, в том числе метод толкования права, сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы.

При проведении исследования использовалось актуальное законодательство, а именно российский Уголовный кодекс (далее – УК РФ)⁴, зарубежное уголовное законодательство, а именно федеральное уголовное законодательство США⁵ и ряда стран ЕС, азиатского региона и др., законодательство, регламентирующее порядок и правила осуществления банковских безналичных операций⁶, обращения электронных средств платежа⁷, современные исследования в сфере уголовного права, обеспечения безопасности банковских систем, а также сложившаяся правоприменительная следственно-судебная практика.

Важными для исследования стали актуальные статистические сведения, отражающие тенденции развития мошенничества с ИЭСП в России и в зарубежных странах и характеризующие состояние банковского сектора, опубликованные государственными органами и независимыми источниками.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ применяемого в уголовном законодательстве понятийного аппарата

Ключевым препятствием на пути к унификации мер уголовно-правового противодействия мошенничеству с ИЭСП являются принципиальные отличия в понятий-

ном аппарате и юридической технике, применяемых в профильных законах в Российской Федерации и зарубежных странах. В целях исключения разночтений отметим, что в настоящем исследовании нами используется понятие «электронные средства платежа» с точки зрения его легального определения в российском законодательстве⁸, а также «мошенничество с использованием электронных средств платежа» как деяние, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ.

Однако в зарубежном уголовном законодательстве применяется концептуально иной подход, в рамках которого не происходит разделения хищений по форме деяния, например кражи и мошенничества, предусматривается единый состав преступления, сопряженного с неправомерным использованием электронных средств платежа. Примечательно, что данный подход характерен для представителей как англо-саксонской, так и континентальной правовой системы.

Например, параграф 1029 федерального уголовного законодательства США устанавливает уголовную ответственность за мошенничество или иную деятельность, связанную с неправомерным получением доступа к электронным средствам платежа, в случае, если размер причиненного вреда составил более одной тысячи долларов. Уголовным кодексом Федеративной Республики Германия предусмотрена уголовная ответственность за мошеннические действия с банковскими чеками и кредитными картами (параграф 266b) в виде трех лет лишения свободы или штрафа⁹.

Данный подход позволяет обеспечить единообразное формирование правоприменительной практики, тогда как наличие нескольких составов преступлений в российском уголовном законе приводит к проблемам в квалификации деяний. За недолгий срок существования статьи, устанавливающей уголовную ответственность за мошенничество с ИЭСП, она неоднократно редактировалась, менялись рекомендации в области квалификации данного деяния, а также смежного состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что вызывало обоснованную критику как в среде научного сообщества, так и в рядах правоприменителей [19; 20].

Анализ особенностей легальной пенализации мошенничества с использованием электронных средств платежа

Отличительной особенностью также являются установленные уголовно-правовые санкции за совершение исследуемого деяния. Так, в США за мошенничество с ИЭСП установлено наказание в виде штрафа и лишения свободы до 10 лет, аналогичное наказание установлено уголовным законодательством Канады¹⁰. В Японии совершение данного деяния подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 10 лет или штрафу до 1 млн иен¹¹.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 61-ФЗ (ред. от 27.10.2020).

⁵ 18 U.S. Code Title 18 – Crimes and criminal procedure // Legal information institute. Open access to law since 1992. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>.

⁶ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. 14.06.2020).

⁷ Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием: положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П (ред. от 14.01.2015).

⁸ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. 06.02.2020).

⁹ German Criminal Code (1871) // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html.

¹⁰ Criminal Code of Canada. 1985 // Justice laws website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/>.

¹¹ Penal Code (Act No. 45 of 1907). URL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.

В Китайской Народной Республике наказание за использование похищенной банковской карты предусмотрено ст. 264 УК КНР и зависит от причиненного вреда:

– лишение свободы на срок до 3 лет, краткосрочный арест с последующим надзором, а также штраф в случае причинения значительного вреда;

– лишение свободы на срок от 3 до 10 лет и штраф в случае причинения крупного вреда или наличия иных отягчающих обстоятельств;

– лишение свободы на срок от 10 лет до пожизненного лишения свободы, а также штраф или конфискация имущества при условии причинения особо крупного размера вреда или при наличии иных особо отягчающих обстоятельств¹².

Примечательно, что согласно п. 1 ст. 264 Уголовного кодекса КНР причинение особо крупного размера вреда финансовой системе в результате данной преступной деятельности влечет за собой пожизненное лишение свободы или смертную казнь с конфискацией имущества, что обуславливается особенностями банковской системы в КНР – значительное количество кредитных организаций являются государственными.

Совершенно другой подход характерен для стран ЕС, где санкции и пенализация исследуемого деяния намного более либеральные. Например, параграфом 147 Уголовного кодекса Австрийской Республики предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество с отягчающими обстоятельствами: мошенничество при применении средств безналичного расчета влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Согласно параграфу 148 Уголовного кодекса Австрийской Республики, если предусмотренные параграфом 147 деяния имели признаки профессиональной преступной деятельности, о чем может свидетельствовать системность в противоправной деятельности, привлечение значительного числа лиц, распределение преступных ролей и т. д., это влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет¹³.

Раздел 371 Уголовного кодекса Королевства Норвегия предусматривает уголовную ответственность в виде штрафа или лишения свободы на срок до двух лет за неправомерное использование чужой банковской карты¹⁴.

Причина данного подхода заключается в реализации правовой реституции вместо репрессивного воздействия на виновных, что характерно для большинства стран ЕС, поскольку акцент в деятельности по предупреждению хищений с ИЭСП делается на комплексе мер организационного и программного характера, что позволило добиться снижения убытков от противоправной деятельности с банковскими картами, что на-

блюдалось с 2015 года, однако в настоящее время независимыми аналитическими агентствами зафиксировано увеличение потерь от исследуемого вида преступления в 10 европейских странах¹⁵.

В Российской Федерации уголовно-правовые санкции за мошенничество с ИЭСП зависят от обстоятельств совершения деяния и последующей квалификации деяния, однако исследование основ пенализации данного деяния и его сравнение с пенализацией деяния, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за период с 2016 года по настоящее время, свидетельствует, что последнее наказывается значительно строже.

Отдельные авторы отмечали, что неоднократное редактирование законодателем ст. 159.3 УК РФ свидетельствует о несовершенстве и недостаточной проработанности анализируемой статьи, что влечет проблемы в правоприменительной деятельности [19; 20].

Анализ особенностей конструирования диспозиции норм, предусматривающих ответственность за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа

Нередко уголовное законодательство зарубежных стран прямо указывает совокупность деяний, наказуемых соответствующей статьей, в частности, для упрощения правоприменительной практики. Например, по Уголовному закону штата Пенсильвания (ст. 4106) мошенничеством с использованием банковских карт признается совершение операций с целью оплаты товаров или услуг, когда заведомо известно, что данная банковская карта:

- похищена или подделана;
- принадлежит другому лицу, которое не давало разрешение на ее использование;
- отозвана или аннулирована;
- запрещена для использования эмитентом либо ее собственником¹⁶.

Согласно ст. 196 Уголовного кодекса КНР, мошенничеством с банковскими кредитными картами является:

- пользование фальсифицированной кредитной картой;
- пользование просроченной кредитной картой;
- пользование кредитной картой, выданной третьему лицу;
- злонамеренное превышение кредитного лимита, т. е. осуществление операций с кредитной картой после получения требования о возврате карты банком-эмитентом¹⁷.

В России диспозиция состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, является простой и не дает его определения, что негативно сказывается на правоприменительной практике, деятельности право-

¹² *Criminal Law of the People's Republic of China. 1979 // Permanent mission of the People's Republic of China to the United Nations and other international organizations in Vienna.* URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgvienna/eng/dbtyw/jdwt/crimelaw/t209043.htm>.

¹³ *Country specific Questionnaires – Criminal Law Austria. 1974.* URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/27703/attachments/9/translations/en/renditions/pdf>.

¹⁴ *The Penal Code of Norway. 1902.* URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-05-20-28>.

¹⁵ *Total Threat levels. Threat levels reduce in half of European states covered. // FICO.* URL: <https://www.fico.com/europeanfraud/total-threat-levels>.

¹⁶ *Pennsylvania Statutes Title 18 Pa.C.S.A. Crimes and Offenses § 4106. Access device fraud // Find Law for legal professionals.* URL: <https://codes.findlaw.com/pa/title-18-pacs-a-crimes-and-offenses/pa-csa-sect-18-4106.html>.

¹⁷ *Criminal Law of the People's Republic of China. 1979 // Permanent mission of the People's Republic of China to the United Nations and other international organizations in Vienna.* URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgvienna/eng/dbtyw/jdwt/crimelaw/t209043.htm>.

охранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению данного деяния.

Исходя из вышеизложенного, правовой анализ приведенных особенностей уголовно-правового противодействия мошенничеству с ИЭСП отражает актуальный положительный опыт зарубежных стран, что возможно использовать для развития российского уголовного закона.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы.

1. Увеличение количества зарегистрированных фактов мошенничества с ИЭСП характерно для большинства современных стран и обусловлено технологизацией и информатизацией экономической деятельности, а также сферы продажи товаров и услуг, что свидетельствует о необходимости оптимизации деятельности по предупреждению исследуемых деяний.

2. Тенденции развития преступности данного вида являются интернациональными и характерны для большинства современных развитых стран, следовательно, изученный передовой опыт уголовно-правового предупреждения исследуемых деяний возможно адаптировать к современным российским реалиям.

3. Как правило, уголовное законодательство зарубежных стран применяет общий состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за неправомерное использование электронных средств платежа вне зависимости от формы хищения. Данный подход обеспечивает необходимое единство и единообразие правоприменительной деятельности при раскрытии и расследовании исследуемых преступных деяний.

Определение уголовно-правовых санкций в зарубежном законодательстве достаточно однообразно, что позволяет выделить специфический европейский подход, отличающийся приоритетным применением мер реституции. Считаем, что в настоящее время в Российской Федерации недостаточно эффективно обеспечена защита прав лиц, ставших потерпевшими от противоправной деятельности, сопряженной с неправомерным использованием электронных средств платежа.

4. В целях совершенствования и развития отечественного уголовного законодательства считаем необходимым предложить формулировку общего состава преступления, предусматривающего ответственность за хищения с использованием электронных средств платежа, в этой связи изложить ст. 159.3 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 159.3. Неправомерное использование электронных средств платежа»

1. Неправомерное использование электронных средств платежа, совершенное путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, а равно хищение в отношении электронных денежных средств – наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо

принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с использованием электронного средства платежа, полученного преступным путем;

в) с причинением значительного ущерба гражданину, – наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере, – наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, – наказываются лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового».

Считаем, что результаты исследования позволяют адаптировать положительный опыт зарубежных стран в сфере уголовно-правового противодействия мошенничеству с использованием электронных средств платежа в Российской Федерации, а предложенная инициатива положительно скажется на формировании единообразной правоприменительной практики, а также послужит унификации уголовного законодательства.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное исследование положений российского и зарубежного уголовного законодательства в части противодействия мошенничеству с ИЭСП свидетельствует о наличии принципиальных отличий в юридической технике и используемом понятийном аппарате, что влечет за собой формирование дифференцированных подходов к формулированию диспозиции и санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа. В этой связи мы предлагаем интегрировать в российское уголовное законодательство состав преступления, предусматривающий

ответственность за неправомерное использование электронных средств платежа вне зависимости от формы хищения, что положительно скажется на формировании единообразной правоприменительной практики, а также обеспечит необходимую защиту прав человека и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусьял И.А. Мошенничество с использованием платежных карт // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 147–152.
2. Джансараева Р.Е., Аратулы К. Борьба с киберпреступлениями: сравнительный анализ законодательства стран СНГ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 95–99.
3. Третьякова Е.И. Способы совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 169–175.
4. Малышева Ю.Ю. Проблемы квалификации обмана как способа совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4. С. 31–33.
5. Лещенко В.П. Предмет мошенничества с использованием электронных средств платежа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 92–95.
6. Третьякова Е.И., Трубкина О.В. Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 195–200.
7. Маркова Е.А. Регламентация ответственности за преступления, совершенные с использованием электронных средств платежа, в законодательстве стран романо-германской правовой семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3. С. 98–105.
8. Гречишников В.А. Детерминанты мошенничества с использованием электронных средств платежа и способы его предупреждения // Закон и право. 2020. № 1. С. 109–111.
9. Kahn C.M., Linares-Zegarra J.M. Identity theft and consumer payment choice: does security really matter? Ongoing research, paper version // Journal of Financial Services Research. 2016. Vol. 50. № 1. P. 121–159.
10. Gold S. The evolution of payment card fraud // Computer Fraud & Security. 2014. Vol. 2014. № 3. P. 12–17.
11. Steffensmeier D., Harris C.T., Painter-Davis N. Gender and Arrests for Larceny, Fraud, Forgery, and Embezzlement: Conventional or Occupational Property Crime Offenders? // Journal of Criminal Justice. 2015. Vol. 43. № 3. P. 205–217.
12. Ali M.A., Azad M.A., Parreno Centeno M., Hao F., van Moorsel A. Consumer-facing technology fraud: Economics, attack methods and potential solutions // Future Generation Computer Systems. 2019. Vol. 100. P. 408–427.
13. Hill C. Biometrics becoming must-have for fraud prevention // Biometric Technology Today. 2018. Vol. 2018. № 1. P. 9–11.
14. Гончаров Д.Ю. Противодействие преступности как модель комплексного уголовно-правового воздействия // Виктимология. 2020. № 3. С. 20–26.
15. Козаченко И.Я. Модели противодействия преступности: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Общество и право. 2018. № 1. С. 8–13.
16. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1. С. 47–50.
17. Чернякова А.В. Актуальные аспекты уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 124–130.
18. Барчуков В.К. Обусловленность уголовно-правового противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 208–211.
19. Иванова О.М., Иванов М.Г. О последних изменениях и дополнениях, внесенных в Ст. 158, 159, 159.6 УК РФ // Академическая мысль. 2019. № 1. С. 48–54.
20. Никульченкова Е.В., Харитонов А.Н. Мошенничество: проблемные вопросы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 160–165.

REFERENCES

1. Musyal I.A. Fraud with payment cards. *Problemy pravookhranitel'noy deyatelnosti*, 2017, no. 1, pp. 147–152.
2. Dzhansaraeva R.E., Aratuly K. Fighting cybercrime: comparative analysis of cis countries' legislation. *Kriminalogicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2012, no. 3, pp. 95–99.
3. Tretyakova E.I. Ways to commit fraud using electronic means of payment. *Izvestiya Tuls'kogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2020, no. 1, pp. 169–175.
4. Malysheva Yu.Yu. Problems of qualifying deceit as a way of committing fraud using electronic means of payment. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2018, no. 4, pp. 31–33.
5. Leshchenko V.P. The subject of fraud using electronic means of payment. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2019, no. 2, pp. 92–95.
6. Tretyakova E.I., Trubkina O.V. Legal problems of the fraud investigation using electronic means of payment. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2020, no. 2, pp. 195–200.
7. Markova E.A. Regulation of liability for offences committed with the use of electronic funds of payment in the legislation of the countries of Romano-Germanic of legal system. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 3, pp. 98–105.
8. Grechishnikov V.A. Determinants of fraud with the use of electronic means of payment, and prevention measures. *Zakon i pravo*, 2020, no. 1, pp. 109–111.
9. Kahn C.M., Linares-Zegarra J.M. Identity theft and consumer payment choice: does security really matter? Ongoing research, paper version. *Journal of Financial Services Research*, 2016, vol. 50, no. 1, pp. 121–159.

10. Gold S. The evolution of payment card fraud. *Computer Fraud & Security*, 2014, vol. 2014, no. 3, pp. 12–17.
11. Steffensmeier D., Harris C.T., Painter-Davis N. Gender and Arrests for Larceny, Fraud, Forgery, and Embezzlement: Conventional or Occupational Property Crime Offenders? *Journal of Criminal Justice*, 2015, vol. 43, no. 3, pp. 205–217.
12. Ali M.A., Azad M.A., Parreno Centeno M., Hao F., van Moorsel A. Consumer-facing technology fraud: Economics, attack methods and potential solutions. *Future Generation Computer Systems*, 2019, vol. 100, pp. 408–427.
13. Hill C. Biometrics becoming must-have for fraud prevention. *Biometric Technology Today*, 2018, vol. 2018, no. 1, pp. 9–11.
14. Goncharov D.Yu. Countering crime as a model of complex criminal law impact. *Viktimologiya*, 2020, no. 3, pp. 20–26.
15. Kozachenko I.Ya. Models of combating crime: criminal legal and criminological aspects. *Obshchestvo i pravo*, 2018, no. 1, pp. 8–13.
16. Shestakov D.A. Criminological legislation and right of crime counteraction. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2013, no. 1, pp. 47–50.
17. Chernyakova A.V. Actual aspects of the criminal liability for thefts committed with the use of information and communication technologies. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2019, no. 3, pp. 124–130.
18. Barchukov V.K. Conditionality criminal law to counter fraud in the sphere of computer information. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2016, no. 8, pp. 208–211.
19. Ivanova O.M., Ivanov M.G. About the latest amendments and additions to Art. 158, 1593, 1596 of the criminal code of the Russian Federation. *Akademicheskaya mysl*, 2019, no. 1, pp. 48–54.
20. Nikulchenkova E.V., Kharitonov A.N. Fraud: problematical issues. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2018, no. 2, pp. 160–165.

CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO FRAUDULENT USE OF ELECTRONIC PAYMENT FACILITIES IN RUSSIA AND ABROAD

© 2020

B.E. Shavaleev, Adjunct*Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan (Russia)*

Keywords: electronic payment facilities; fraud; use of electronic payment facilities; UEPPF.

Abstract: Modern trends indicate an annual increase in the number of registered facts of fraud using electronic payment facilities, as well as the amount of damage associated with it, both in foreign countries and in the Russian Federation. This fact puts on the agenda the problem of improving measures of counteracting this type of crime. A significant element of combating crime is the optimization of criminal legislation, which determines the relevance of this study. The author carried out a comparative legal study of the criminal legislation peculiarities of Russia and foreign countries in terms of combating fraud using electronic payment facilities, notes special features of the conceptual apparatus and legal technique used in domestic and foreign criminal laws. The paper investigates the legal penalization of the above act, the legal technique of formulating the disposition of the corpus delicti providing for liability for fraud using electronic means of payment. The author highlights the wide use of restitution in the criminal legislation of the European Union states. Based on the results of the study, the author determined the features of criminal-legal counteraction to fraud using electronic payment facilities in Russia and abroad, formulated the proposals to improve the criminal legislation in terms of combating fraud using electronic means of payment. More precisely, the author suggested a draft article of the RF Criminal Code establishing liability for illegal use of electronic payment facilities bringing to the uniformity of the law enforcement practice and implementation of the principle of justice of punishment.

ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ

© 2020

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

В.В. Убасев, магистрант юридического института

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: начальник подразделения дознания; правовой статус; властные полномочия; реализация правового статуса; дознание; предварительное расследование; должностное лицо; субъекты уголовного процесса.

Аннотация: Статья посвящена проблеме определения правового статуса начальника подразделения дознания и его законодательного регулирования. Констатируется, что начальник подразделения дознания является должностным лицом органа дознания, уполномоченным осуществлять уголовно-процессуальные полномочия в установленном законом порядке. Показано, что в структуру правового статуса начальника подразделения дознания входят процессуальные полномочия трех видов: полномочия административного характера в отношении дознавателя; полномочия по возбуждению, принятию к производству и расследованию уголовного дела, а также возложению на себя обязанностей по руководству группой дознавателей; субъективные права, реализуемые начальником подразделения дознания в ходе реализации вышеуказанных полномочий. Сравняются отдельные элементы правового статуса начальника подразделения дознания с элементами правового статуса других субъектов уголовного процесса: начальника органа дознания, руководителя следственного органа (РСО), прокурора. В частности, констатируется, что РСО является в большей степени самостоятельной процессуальной фигурой, чем начальник подразделения дознания. Анализ законодательных положений, приведенных в УПК РФ, показывает, что руководитель следственного органа наделен значительно большими полномочиями, влияющими на ход предварительного расследования, чем начальник подразделения дознания. В свою очередь, полномочия начальника органа дознания отчасти дублируют полномочия начальника подразделения дознания. Констатируется, что такое положение дел негативно влияет на осуществление деятельности по предварительному расследованию уголовных дел в форме дознания. Авторы предлагают два пути решения проблемы дублирования элементов правового статуса начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, наиболее предпочтительным из которых является исключение из правового статуса начальника органа дознания тех процессуальных полномочий, посредством которых осуществляется контроль за деятельностью субъектов, занимающихся непосредственно производством предварительного расследования в форме дознания.

ВВЕДЕНИЕ

Процессуальное положение должностного лица как властного субъекта, уполномоченного совершать определенные процессуально значимые действия, определяется его правовым статусом. Данная общеправовая категория применительно к уголовно-процессуальному праву представляет собой совокупность субъективных прав и обязанностей, полномочий, установленных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, реализация которых направлена на достижение целей уголовного судопроизводства.

Значительное влияние на ход предварительного расследования преступлений, отнесенных в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) к подследственности органов дознания, оказывает процессуальная фигура начальника подразделения дознания (НПД), который в соответствии со ст. 40.1 УПК РФ наделен значимыми процессуальными полномочиями, позволяющими ему воздействовать как на ход предварительного расследования, так и на нижестоящего по процессуальной иерархии субъекта – дознавателя [1]. НПД осуществляет так называемый «ведомственный процессуальный контроль» в ходе расследования уголовных дел в форме дознания. Такой подход отражен в ряде работ ученых-юристов [2–4].

Важным элементом научной базы данного исследования является работа [5], содержащая материалы для

проведения сравнительного анализа статуса властных субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях.

Понятие «начальник подразделения дознания» имеет легальное определение, что, безусловно, важно как для юридической науки, так и для правоприменительной практики. Однако в среде ученых господствует мнение о том, что формулировка, закрепленная в УПК РФ, не полностью отражает правовую сущность данной процессуальной фигуры. Существуют различные подходы к определению НПД в зависимости от глубины анализа правового статуса такого субъекта и норм действующего уголовно-процессуального законодательства, которые применяются в правовых исследованиях [6–8]. Тесное соприкосновение вопросов об определении НПД и его правовом статусе не случайно, так как содержание понятия во многом зависит от тех прав и обязанностей, которыми наделен субъект [9–11]. Правовой статус НПД частично совпадает с правовым статусом некоторых других субъектов уголовного процесса, однако имеет и свои особенности [12–15].

Пристальное внимание заслуживает вопрос о частичном пересечении правового статуса (дублировании полномочий) НПД и прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Прокурор является лицом, осуществляющим внешнюю надзорную деятельность по отношению к органам дознания, в то же время он наделен полномочиями по фактическому

руководству процессуальной деятельностью дознавателя. Процессуальные полномочия прокурора и особенности его взаимодействия с органами, осуществляющими предварительное расследование, получили широкое освещение в работах ученых-юристов, специализирующихся на исследовании проблем уголовно-процессуального права России [16–18]. Их труды служат основой для нашего исследования, посвященного сопоставлению отдельных элементов правового статуса указанных субъектов и основных целей их уголовно-процессуальной деятельности.

Цель исследования – определение элементов и структуры правового статуса НПД и формулирование предложений по решению проблем, возникающих в процессе реализации правового статуса данного субъекта.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проанализировано понятие «начальник определения дознания». В ходе научных изысканий первоначально были определены основные элементы и структура правового статуса НПД. Для выделения общих, частных и особых черт, присущих правовому статусу НПД, проведено сравнение отдельных значимых элементов правового статуса НПД и элементов правового статуса иных властных субъектов уголовного судопроизводства – начальника органа дознания, руководителя следственного органа (РСО), прокурора.

Выявлены и обобщены основные проблемы, возникающие при реализации полномочий НПД; предложены пути решения данных проблем.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Начальник подразделения дознания: понятие и правовой статус

В соответствии с п. 17.1 ст. 5 УПК РФ НПД определен как «должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель». П. 47 ст. 5 УПК РФ относит процессуальную фигуру НПД к стороне обвинения наряду с дознавателем, следователем, начальником органа дознания, РСО, прокурором и некоторыми другими участниками уголовного судопроизводства. Представляется, что отнесение некоторых из вышеуказанных участников уголовного процесса, в том числе НПД, к стороне обвинения придает российскому уголовному судопроизводству выраженные черты инквизиционного процесса. Между тем в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ прямо сказано, что уголовное судопроизводство имеет своим основным назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом важно подчеркнуть, что ст. 6 УПК РФ находится в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства», которая закрепляет основные начала осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, усматривается достаточно серьезное противоречие между легальным определением понятия «начальник подразделения дознания» и принципом, закрепляющим назначение уголовного судопроизводства. Аналогичное мнение, в частности, высказыва-

ет С.С. Телигисова применительно к уголовно-процессуальному статусу следователя [5].

Несомненно, первоначальной задачей НПД при осуществлении руководства деятельностью подразделения дознания должно являться выстраивание этой деятельности таким образом, чтобы, с одной стороны, ее осуществление не подрывало основ уголовного судопроизводства, с другой – обеспечивало ведение объективного и всестороннего расследования дознавателем. При этом важно исключить возможное негативное влияние со стороны самого НПД на ход предварительного расследования уголовного дела.

Несмотря на наличие в УПК РФ легального определения понятия «начальник подразделения дознания», на наш взгляд, оно не является исчерпывающим и должно быть скорректировано. Наиболее удачным представляется определение, согласно которому под НПД предлагается понимать должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, и его заместителя, которые осуществляют руководство и контроль за процессуальной деятельностью дознавателей, а также, обладая полномочиями дознавателя, вправе лично производить расследование по уголовному делу [6]. Его мы и принимаем за основу в рамках данного научного исследования.

Полномочия НПД целесообразно подразделять на три группы:

- 1) полномочия административного характера в отношении дознавателя;
- 2) полномочия по самостоятельному возбуждению и расследованию уголовного дела;
- 3) субъективные уголовно-процессуальные права, реализуемые НПД в ходе осуществления вышеуказанных полномочий.

Важно отметить, что третья группа полномочий включает в себя только дискреционные полномочия, реализация которых зависит исключительно от воли уполномоченного на то субъекта – НПД. Таким образом, здесь устанавливается достаточно широкий коридор автономии воли для НПД, который может достаточно гибко использовать полномочия с широкой дискрецией, выбирая наиболее удачные способы повышения эффективности и результативности расследования уголовных дел в ходе дознания.

М.Р. Галиахметов предлагает делить полномочия НПД на административные и процессуальные [7]. На наш взгляд, такое деление полномочий не вызывается объективной потребностью, поскольку в любом случае речь идет об административном воздействии на уполномоченное лицо как носителя процессуальных прав и обязанностей. В свою очередь, критерий императивности полномочий здесь во внимание не принимается.

Другие представители юридической науки также предлагают свои классификации полномочий, в частности, деление их на организационно-распорядительные и непосредственно процессуальные [8].

Включенные в эту классификацию полномочия, права и обязанности и являются элементами правового статуса НПД. Помимо специфических полномочий, прав и обязанностей, к элементам правового статуса начальника подразделения дознания необходимо относить и полномочия, права, обязанности дознавателя, предусмотренные УПК РФ. Таким образом, элементы

правового статуса НПД целесообразно разделить на две группы: специфические (основные) и факультативные – те элементы, которые принадлежат субъекту ввиду наличия административно подчиненного ему другого субъекта уголовно-процессуальной деятельности [9]. Передача всех полномочий нижестоящего субъекта вышестоящему действительно является общепринятой нормой в рамках осуществления государственно-властных полномочий субъектами управленческой деятельности. Однако в рамках уголовно-процессуальных отношений, где речь идет об осуществлении не столько административно-распорядительных функций, сколько о достижении целей уголовного судопроизводства, такая правовая конструкция может негативно сказываться на результативности предварительного расследования.

Сравнительный анализ правовых статусов НПД и смежных субъектов

Говоря о широте возможностей воздействовать на расследование уголовных дел, необходимо обратить внимание на то, что непосредственно полномочия НПД по руководству процессуальной деятельностью не так широки, как, например, полномочия РСО. А.А. Осипов в этой связи указывает, что начальник подразделения дознания делит свои процессуальные и административные полномочия с начальником органа дознания и прокурором. В свою очередь, РСО осуществляет полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием самостоятельно [10]. Здесь мы видим, что РСО является в большей степени самостоятельной процессуальной фигурой, чем начальник подразделения дознания. Анализ законодательных положений, приведенных в ст. 39 УПК РФ, показывает, что руководитель следственного органа наделен несравнимо большими полномочиями, влияющими на ход предварительного расследования, чем НПД. Справедливо будет заметить, что передача РСО столь широких полномочий по руководству деятельностью сотрудников следственных органов не подорвало систему реализации контрольно-надзорных функций и не снизило эффективность предварительного следствия при усилении роли РСО в рамках осуществления данной деятельности.

Если административная соподчиненность следователя и РСО полностью логична и понятна, то в рамках расследования уголовных дел в форме дознания мы видим сразу три процессуальных фигуры, в той или иной степени осуществляющих руководство процессуальной деятельностью: НПД, прокурор и начальник органа дознания.

Примечательно, что начальник органа дознания, согласно нормам УПК РФ, наделен правом в письменной форме давать дознавателю указания о производстве процессуальных действий и направлении расследования уголовного дела, в то время как НПД обладает более широкими полномочиями, а именно – правом давать дознавателю указания о направлении расследования уголовного дела, производстве отдельных следственных действий, а кроме того, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, квалификации преступления и объеме обвинения. Здесь мы видим частичное дублирование полномочий двух властных субъектов уголовного судопроизводства [11; 12]. И если, например, по отношению к дознавателям, которые

были уполномочены начальником органа дознания на осуществление предварительного расследования в форме дознания, начальник органа дознания обладает полномочиями, образующими правовой статус НПД, установленными ст. 40.1 УПК РФ, то в предыдущем случае закон такой оговорки не содержит.

Рассматриваемая законодательная конструкция представляется нелогичной, так как начальник подразделения дознания является подчиненным начальника органа дознания, и, таким образом, все его полномочия, по аналогии передачи полномочий дознавателя НПД, должны принадлежать также и начальнику органа дознания [13]. Помимо этого, обращается внимание, что не вполне понятны мотивы, из которых исходил законодатель, когда, наделяя начальника органа дознания меньшим в сравнении с НПД объемом властных процессуальных полномочий по отношению к дознавателю, предоставил ему важнейшие процессуальные полномочия по утверждению итогового процессуального документа по уголовному делу, определив его, таким образом, главной процессуальной фигурой органов дознания [14]. Данная позиция является обоснованной и указывает на небесспорный характер законодательного распределения полномочий между начальником органа дознания и НПД. Так как оба этих должностных лица осуществляют ведомственный процессуальный контроль, оказывая процессуальное и административное воздействие на одни и те же общественные отношения одних и тех же субъектов, осуществляющих процессуальную деятельность, существующее ныне законодательное регулирование может создавать некоторые трудности в правоприменительной деятельности.

На наш взгляд, можно предложить два пути решения данной проблемы: либо передать все полномочия НПД начальнику органа дознания с сохранением процессуальных полномочий НПД в существующем виде, что позволит создать весьма эффективную систему управления деятельностью органов дознания, которая будет соответствовать основным принципам наделения должностных лиц властными полномочиями; либо исключить из правового статуса начальника органа дознания те процессуальные полномочия, посредством которых осуществляется контроль за деятельностью субъектов, занимающихся непосредственно проведением предварительного расследования в форме дознания, в результате чего фигура начальника органа дознания будет иметь лишь полномочия по осуществлению ведомственного контроля за деятельностью НПД, но не его подчиненных. Второй подход представляется более эффективным, так как НПД является непосредственным руководителем по отношению к дознавателям, осуществляющим расследование уголовных дел, и, следовательно, может более оперативно реагировать на те или иные изменения в ходе предварительного расследования.

Такая четкая иерархия полномочий, на наш взгляд, позволит выстроить более работоспособную административно-соподчиненную систему в сфере деятельности органов дознания в рамках предварительного расследования. Передача основных полномочий начальнику органа дознания в ущерб полномочиям НПД в меньшей степени целесообразна, так как НПД является важным контролирующим и организующим звеном при осуществлении

деятельности по предварительному расследованию преступлений в форме дознания и должен обладать широким набором внешних (процессуальных) и внутренних (административных/управленческих) функций [15]. Представляется, что важнейшим из имеющихся у начальника органа дознания полномочий является подписание итогового процессуального документа, и именно наличие данного полномочия имеет первостепенное значение для правового статуса этого должностного лица с точки зрения процессуального руководства деятельностью органа дознания.

Не следует оставлять без внимания и фигуру прокурора, который в соответствии с ч. 2 ст. 37 УПК РФ также наделен рядом процессуальных полномочий, являющихся элементами его правового статуса, некоторые из которых, однако, дублируют полномочия НПД и начальника органа дознания.

Тем не менее в данном случае такой подход законодателя представляется оправданным. Прокурор, в отличие от начальника органа дознания и НПД, по общему правилу не осуществляет ведомственного (внутреннего) процессуального контроля. Его деятельность осуществляется в рамках надзора за исполнением законов органами, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, предварительное следствие и дознание [16]. Наличие таких полномочий у прокурора как субъекта надзорной деятельности направлено на достижение целей уголовного судопроизводства [17]. Прокурорский надзор за органами дознания обеспечивает эффективность правоприменения в данной сфере [18; 19].

Важно отметить, что прокурор обладает и своими исключительными полномочиями, которыми НПД не наделен. В частности, только прокурор при осуществлении предварительного расследования вправе отстранять дознавателя от дальнейшего производства по делу; изымать любое уголовное дело из производства дознавателя и передавать его следователю; давать согласие на возбуждение перед судом ходатайства о производстве ряда процессуальных действий, производство которых возможно только на основании судебного решения; продлевать сроки проведения дознания.

Прокурор не только надзирает за законностью и обоснованностью деятельности НПД, но и реагирует на его различные процессуальные инициативы [20]. Отсюда прослеживается дуализм правового статуса прокурора как участника уголовного судопроизводства, с одной стороны, осуществляющего надзор за законностью в ходе проведения предварительного расследования в форме дознания, с другой – выполняющего функции по процессуальному руководству в ходе реализации дознавателем и НПД их процессуальных полномочий и субъективных уголовно-процессуальных прав. Это принципиальное и главное различие между правовым статусом прокурора и правовым статусом НПД.

Представляется, что фигура начальника подразделения дознания заимствовала некоторые элементы правового статуса прокурора, направленные на осуществление контрольно-надзорной функции по отношению к лицам, осуществляющим предварительное расследование. Однако, учитывая внешний характер осуществления полномочий прокурора относительно субъекта, ведущего расследование в форме дознания, с процессуальной точки зрения фигуры прокурора и НПД могут быть

признаны взаимодополняющими. Их правовой статус хотя и совпадает по ряду составляющих его элементов, но является далеко не идентичным. Эти субъекты процессуальной деятельности неравнозначны, и НПД процессуально подчинен прокурору. Изъятие у прокурора тех полномочий, которые совпадают с полномочиями начальника подразделения дознания, подорвало бы основы осуществления процессуальной деятельности в данной сфере. Полагаем, что такое перераспределение на данном этапе возможно только между должностными лицами органа дознания.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. НПД является должностным лицом органа дознания, осуществляющим административное и процессуальное руководство деятельностью нижестоящих сотрудников подразделения дознания, обладающим полномочиями по направлению хода расследования уголовных дел.

2. Элементами правового статуса начальника подразделения дознания являются его уголовно-процессуальные полномочия, субъективные права и обязанности.

3. Полномочия НПД целесообразно подразделять на три группы: полномочия административного характера в отношении дознавателя; полномочия по возбуждению, принятию к производству и расследованию уголовного дела, а также возложению на себя обязанностей по руководству группой дознавателей; субъективные права, реализуемые начальником подразделения дознания в ходе реализации вышеуказанных полномочий.

4. Дублирование процессуальных полномочий, существующее в настоящее время между НПД и начальником органа дознания, негативно сказывается на реализации их правового статуса, поскольку эти субъекты выполняют одну и ту же функцию ведомственного контроля.

Для решения этой проблемы предпочтительным представляется исключение из правового статуса начальника органа дознания процессуальных полномочий, направленных на осуществление контроля за деятельностью субъектов, проводящих предварительное расследование в форме дознания.

5. Дублирование элементов правового статуса возникает и между начальником подразделения дознания и прокурором, однако прокурор, в отличие от начальника органа дознания, не осуществляет внутриведомственный контроль. В целом с процессуальной точки зрения фигуры прокурора и НПД могут быть признаны дополняющими друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладышева О.В. Полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Общество и право. 2012. № 5. С. 165–171.
2. Карпова О.В. О процессуальных полномочиях начальника подразделения дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1. С. 108–115.
3. Насонова И.А., Степанова Т.А. Полномочия начальника подразделения дознания в российском уголовном

- процессе: понятие и классификация // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 111–114.
4. Александров А.С., Круглов И.В. Правовое положение начальника подразделения дознания в уголовном процессе // Российский следователь. 2007. № 17. С. 5–6.
  5. Телигисова С.С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процессуальных отношений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3. С. 199–207.
  6. Насонова И.А., Красноруцкая Т.А. Понятийная характеристика начальника подразделения дознания // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 211–216.
  7. Галиахметов М.Р. Начальник подразделения дознания, его полномочия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3. С. 24–26.
  8. Насонова И.А., Степанова Т.А. К вопросу о понятии начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе // Научный портал МВД России. 2012. № 4. С. 7–11.
  9. Зырянова Е.Е. Актуальные вопросы реализации начальником подразделения дознания полномочий по устранению процессуальных нарушений, допущенных дознавателем на стадии предварительного расследования // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 2. С. 60–66.
  10. Осипов А.А. Правовой статус начальника подразделения дознания должен быть изменён // Право и образование. 2009. № 3. С. 111–115.
  11. Шайдуллина Э.Д. Соотношение процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2. С. 204–205.
  12. Горчакова Е.В. О необходимости обеспечения оперативного реагирования начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на нарушения законности при производстве дознания // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А. С. 290–297.
  13. Погорелова Е.Н. Соотношение процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 145–150.
  14. Кузнецов А.Н. О соотношении процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на стадии расследования уголовного дела в форме дознания // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 1. С. 131–136.
  15. Кульчарова А.В. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 3. С. 357–362.
  16. Татьяна Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 30–33.
  17. Артамонов А.Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 73–80.
  18. Грязнов А.О. Проблемы реализации полномочий прокурора при надзоре за следствием, дознанием и ОРД // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 475–478.
  19. Протасевич А.А., Гуменюк А.В., Пирва В.Г. Прокурорский надзор за органами, осуществляющими дознание // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 3. С. 17–26.
  20. Филиппова Е.В. Уголовно-процессуальные отношения начальника подразделения дознания органа внутренних дел с прокурором // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 33. С. 158–163.

REFERENCES

1. Gladysheva O.V. Powers of the chief of body of inquiry and chief of division of inquiry in pre-judicial stages criminal legal proceedings. *Obshchestvo i pravo*, 2012, no. 5, pp. 165–171.
2. Karpova O.V. On procedural authorities of the head of inquiry unit at the stage of initiating a criminal case. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 108–115.
3. Nasonova I.A., Stepanova T.A. Powers of the chief divisions of inquiry in the Russian criminal procedure: definition and classification. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2012, no. 2, pp. 111–114.
4. Aleksandrov A.S., Kruglov I.V. Legal status of the head of an inquiry department in criminal proceedings. *Rossiyskiy sledovatel*, 2007, no. 17, pp. 5–6.
5. Teligisova S.A. Procedural status of an investigator as a subject of criminal procedural relations. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 3, pp. 199–207.
6. Nasonova I.A., Krasnorutskaya T.A. Concept characteristic of the chief of the understanding union. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 211–216.
7. Galiakhmetov M.R. Head unit of inquiry, its powers. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 3, pp. 24–26.
8. Nasonova I.A., Stepanova T.A. To the question of the concept “an inquiry subdivision chief” in the Russian criminal procedure. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 2012, no. 4, pp. 7–11.
9. Zyryanova E.E. Major aspects of exercising by the head of an inquiry department of powers to eliminate procedural violations committed by an investigator at the preliminary investigation stage. *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost*, 2017, no. 2, pp. 60–66.
10. Osipov A.A. Legal status of director of inquiry subdivision should be changed. *Pravo i obrazovanie*, 2009, no. 3, pp. 111–115.
11. Shaydullina E.D. The interrelation of procedural powers of the head of inquiry agency and the head of inquiry department. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik*

- Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. 204–205.
12. Gorchakova E.V. On the need to ensure prompt response of the head of the inquiry body and the head of the inquiry department to the violation of legality in the production of inquiries. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, vol. 8, no. 3A, pp. 290–297.
  13. Pogorelova E.N. The correlation of procedural powers of the head of inquiry department and the head of inquiry subdivision. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 3, pp. 145–150.
  14. Kuznetsov A.N. About the relationship between the procedural authorities of the chief of the inquiry body and the chief of the department of the inquiry at the stage of the criminal investigation in the form of inquest. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2020, no. 1, pp. 131–136.
  15. Kulcharova A.V. Procedural powers of head of the inquiry division when conducting an inquiry in abbreviated form. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 357–362.
  16. Tatyana L.G. Activities of the prosecutor in the criminal process of Russia. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 3, pp. 30–33.
  17. Artamonov A.N. Prosecutor's powers in supervising application of laws by interrogation and preliminary examination agencies. *Zakonodatelstvo i praktika*, 2016, no. 1, pp. 73–80.
  18. Gryaznov A.O. Problems of realization of powers of the prosecutor under the supervision of consequence, inquiry and OSA. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2016, no. 2, pp. 475–478.
  19. Protasevich A.A., Gumenyuk A.V., Pirva V.G. Prosecutor's supervision of authorities conducting investigations. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 17–26.
  20. Filippova E.V. The criminal-procedural relations of the chief of unit of inquiry internal affairs' agencies with the prosecutor. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2013, no. 33, pp. 158–163.

LEGAL STATUS OF THE HEAD OF INQUIRY DEPARTMENT: SUBSTANCE, STRUCTURE, CHARACTERISTICS

© 2020

S.V. Yunoshev, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
V.V. Ubasev, graduate student of Law Institute
Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: head of inquiry department; legal status; powers of authority; legal status realization; inquiry; preliminary investigation; official; criminal proceedings subjects.

Abstract: The paper deals with the problem of determining the legal status of the head of an inquiry department and its legislative regulation. The authors note that the head of an inquiry department is an official of an agency of inquiry authorized to exercise criminal procedural powers as prescribed by law. The study shows that the structure of legal status of the inquiry department head includes the procedural powers of three types: administrative powers towards an investigator; powers for initiation of proceedings, committal for trial, and investigation of a criminal case, as well as the imposition of obligations on management of an investigators' group; subjective rights exercised by an inquiry department head in the process of exercising the abovementioned authorities. The paper compares separate elements of the legal status of the inquiry department head with those of the legal status of other criminal process members: head of an agency of inquiry, head of an investigating authority, and a prosecutor. In particular, the paper states that the head of an investigating authority is more an individual procedural figure than the head of an inquiry department. The analysis of legislative provisions specified in the RF Criminal Code shows that the head of an investigating authority has rather more powers influencing the preliminary investigation course than the head of an inquiry department. As for the powers of the head of an inquiry agency, they partially repeat those of the inquiry department head. The paper states that such a state of matters negatively influences the implementation of activities on the criminal cases preliminary investigation in the form of an inquiry. The authors suggest two ways of solving the problem of duplicating the elements of the legal status of the head of an inquiry agency and the inquiry department head. The top choice of them is to exclude from the legal status of the head of an inquiry agency those procedural powers through which the control for the activity of the subjects carrying out the preliminary investigation in the form of inquiry is performed.

НАШИ АВТОРЫ

Инганнаморте Леонардо Аурелио, студент 1-го курса магистратуры.

Адрес: Тольяттинский государственный университет»,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: ingannamorte.leonardo@gmail.com

Кабанов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: pavelKabanov.2019@mail.ru

Кабанова Людмила Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: baklushina05@rambler.ru

Кондратюк Сергей Викторович, аспирант кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Меркулов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Адрес: Донецкий национальный университет,

283050, ДНР, г. Донецк, пр-т Ватутина, 1а.

E-mail: merkulovepf@mail.ru

Оносов Юрий Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права.

Адрес: Уральский государственный юридический университет,

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

E-mail: onosov_nn@mail.ru

Панько Нина Анатольевна, старший преподаватель кафедры криминалистики, аспирант.

Адрес 1: Донбасская юридическая академия,

283049, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, 9.

Адрес 2: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,

350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

E-mail: n.a.panko@mail.ru

Паулова Елена Олеговна, старший преподаватель кафедры социальных систем и права.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,

443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: lenautina@gmail.com

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Юго-Западный государственный университет,

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

E-mail: ivrevina@mail.ru

Развейкина Надежда Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных систем и права.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,

443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: razveykinan@mail.ru

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Юго-Западный государственный университет,

305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

E-mail: ivrevina@mail.ru

Стародубова Людмила Валериевна, старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: starodubova72@bk.ru

Сыропятова Светлана Борисовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: sirsbor@mail.ru

Убасев Виктор Владимирович, магистрант юридического факультета.
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: ubasev.v@mail.ru

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.
Адрес: Юго-Западный государственный университет,
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
E-mail: ivrevina@mail.ru

Шавалеев Булат Эдуардович, адъюнкт.
Адрес: Казанский юридический институт МВД России,
420108, Россия, г. Казань, ул. Магистральная, 35.
E-mail: shavaleev.bulat@gmail.com

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Chebotareva Irina Nikolaevna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.

Address: Southwest State University,
305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94.
E-mail: ivrevina@mail.ru

Ingannamorte Leonardo Aurelio, graduate student.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: ingannamorte.leonardo@gmail.com

Kabanov Pavel Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: pavelKabanov.2019@mail.ru

Kabanova Lyudmila Nikolaevna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: baklushina05@rambler.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, postgraduate student of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Merkulov Sergey Nikolaevich, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure.

Address: Donetsk National University,
283049, DPR, Donetsk, Vatutin Prospect, 1a.
E-mail: merkulovepf@mail.ru

Onosov Yury Viktorovich, PhD (Law), assistant professor of Chair of Theory of State and Law.

Address: Ural State Law University,
620137, Russia, Yekaterinburg, Komsomolskaya Street, 21.
E-mail: onosov_nn@mail.ru

Panko Nina Anatolyevna, senior lecturer of Chair of Criminalistics, postgraduate student.

Address 1: Donbass Law Academy,
283049, DPR, Donetsk, Lebedinskiy Street, 9.
Address 2: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University,
350044, Russia, Krasnodar, Kalinin Street, 13.
E-mail: n.a.panko@mail.ru

Pashutina Olesya Sergeevna, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.

Address: Southwest State University,
305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94.
E-mail: ivrevina@mail.ru

Paulova Elena Olegovna, senior lecturer of Chair of Social Systems and Law.

Address: Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse, 34.
E-mail: lenautina@gmail.com

Razveykina Nadezhda Andreevna, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair of Social Systems and Law.

Address: Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse, 34.
E-mail: razveykinan@mail.ru

Revina Irina Valeryevna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.

Address: Southwest State University,
305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94.
E-mail: ivrevina@mail.ru

Shavaleev Bulat Eduardovich, Adjunct.

Address: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
420108, Russia, Kazan, Magistralnaya Street, 35.
E-mail: shavaleev.bulat@gmail.com

Starodubova Lyudmila Valerievna, senior lecturer of Chair “Civil Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: starodubova72@bk.ru

Syropyatova Svetlana Borisovna, PhD (Economics), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: sirsbor@mail.ru

Ubasev Viktor Vladimirovich, graduate student of Law Institute.

Address: Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoe shosse, 34.
E-mail: ubasev.v@mail.ru

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD in Law, Docent, Head of the Department “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: syunoshev@gmail.com